Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

ВЕПРЬ

СКОМОРОХ

Вепрь

Константин Калбазов

Вепрь. Скоморох

«Автор»
2012

Калбазов К. Г.

Вепрь. Скоморох / К. Г. Калбазов — «Автор», 2012 — (Вепрь)

ISBN 978-5-9922-1271-6

Виктор Волков, ни плохой, ни хороший, обычный в общем-то парень, со своеобразным характером, живущий по простому принципу «если тебя ударили по левой щеке, то… обернись и выбей обидчику зубы». Таких много вокруг нас, вот только не всем им везет или не везет, это уж как кому, выпасть из привычной реальности и попасть в позднее Средневековье. И ладно бы на родной Земле, так нет же, занесло вообще неизвестно куда, да еще и в чужое тело. Теперь он скоморох. Но по нраву ли ему кочевая жизнь? Пожалуй что и нет, хочется дома и уюта. Зря он так. Ох зря…

ISBN 978-5-9922-1271-6

© Калбазов К. Г., 2012
© Автор, 2012

Содержание

Пролог 5
Глава 1 14
Глава 2 21
Глава 3 37
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Константин Калбазов
Скоморох

Пролог

– Не выстоять нам, воевода.

– С чего так-то?

– Коли только крепость держать, устояли бы и против большего супостата, а вот выполнить приказ и не допустить перекрытия торгового тракта… Не осилим.

– Не дело говоришь, Боян. Тут думать нужно, как волю великого князя исполнить, а ты ищешь причину, чтоб от долга уклониться.

Воевода откинулся на бревенчатую стену горницы и устремил на своего заместителя вопрошающий и вместе с тем ироничный взгляд, поигрывая клинком боевого ножа. Именно боевого, иначе и не скажешь. Длиной почти в локоть, на треть обоюдоострый с незначительным изгибом. В глаза бросался коленчатый узор булата. Обычная, без изысков, рукоять оплетена кожей, чтобы рука уверенно держала оружие. Кожа уже изрядно потерта от частого использования. Нет, не для красоты предназначен этот клинок, с таким хоть на медведя, хоть на ворога.

Весь облик воеводы говорил о том, что он хороший боец. Этим по большому счету и объяснялось его нахождение в приграничной крепости. Правда, была тут еще одна закавыка. Крепость занимала важное стратегическое и экономическое положение: она стояла не просто на границе, а на большом торговом тракте, который проходил стрелой через несколько государств и являлся чуть ли не основным сухопутным торговым путем. Так что талантов военачальника для управления ею было недостаточно. Торговые пошлины составляли немалую часть дохода казны. Поставь сюда кого поглупее или от жадности не ведающего пределов, он тут такого наворотит, что все приказы разом не разберут. Но, как видно, нынешний воевода толк в подобных делах знал, иначе не отправил бы его сюда князь, человек далеко не глупый. В отличие от своего покойного батюшки, великий князь брячиславский воинскую стезю не больно-то жаловал, все более склоняясь к развитию ремесел да торговли, оттого, наверное, его войска и были биты под Ладой. Так что коли поставил сюда окольничего своего, значит, был уверен: этот справится.

Воевода был всего на пару годков моложе великого князя, на вид ему не больше тридцати пяти. Судя по всему, карьера у него пойдет в гору, если с благодетелем какая беда не приключится или сам чего не учудит. Одет он просто, по-военному. Сверху – чуга, особый кафтан, более всего подходящий для воинского сословия: короткие рукава, просторный подол с боков имеет разрезы, что удобно для верховой езды. На поясе сабля в простых ножнах; гарда без вычурности, с истертой рукояткой. Сбоку на столе примостилась мурмолка – головной убор в форме колпака, опять же простецкая, отвороты из той же материи, что и сам колпак, разве что с вышивкой. Все из дорогого сукна и стоит ой как недешево, вот только воевода мог бы и побогаче обрядиться, чай, не на поле брани.

Боян был одет во фряжский кафтан с зауженными от локтя к запястью рукавами, богато отделанный золотой и серебряной вышивкой и с разрезами по бокам, как у воеводы. На колене покоилась мурмолка, отороченная чернобуркой. На поясе в изукрашенных ножнах сабелька, гарда с каменьями, без сомнений, клинок был хорошего качества. Весь вид молодого двадцатилетнего парня говорил о том, что роду он не худого, а потому всякую всячину себе на пояс цеплять не станет. С другого боку крепился дорогой кинжал, как видно, иноземной работы: больно узок, лезвие прямое, сужающееся к концу, да и коротковат.

При последних словах старшего товарища – очевидно, что, несмотря на разницу в возрасте, они были дружны, – а также начальника парень вскинулся и, уперев правую руку в колено, от чего выпрямился так, словно кол проглотил, бросил на воеводу возмущенный взгляд:

– Ты о чем это, воевода? Нешто труса во мне узрел?!

– Остынь, Боян. Кого угодно готов в тебе увидеть, но не труса. Нет в тебе страху, и в большей степени, уж не взыщи, – по младости лет.

– Зачем ты так-то, Градимир? – Вот уж имечко, никак не подходящее облику воеводы. Какой уж тут «хранящий мир». Хотя как там иноземные мудрецы говорили: «Хочешь мира, готовься к войне». Если так, то да, имя в самый раз. – Ведь не я к тебе в горницу рвался, сам позвал.

– Прости, дружище. Но ведь я тебя для чего позвал? Совета спросить. А ты вещаешь о том, чего мы не можем или могли бы, если бы… А нам не «если». Нам сейчас нужно думать, как быть. Великого князя в битве потеснили, полки в большом расстройстве отходят, преследуемые гульдами, скорее всего, до самой Кукши не остановятся. Где это, говорить не надо? Коли ворог оседлает тракт, помрет торговля, а оттого убытки приключатся.

– Можно подумать, толк от нее великий, коли война случилась.

– Не бухти. Толк есть, и ты о том ведаешь, чай, не одни гульды в мире обретаются, многие хотят торговлю с нами вести. Вот только коли Карла засядет на дороге, то ходу купцам к нам не станет. Иноземных торгашей он не тронет, ему со всеми ругаться не след, но и к нам не пустит. А наших мало того что как липку оберет, так еще и в полон утащит. А великому князю сейчас каждая копейка дорога, потому как новую армию собирать нужно.

– Так сколько княжеств на тот тракт нанизано, как бус на нитку. А ну как они взъярятся на гульдов?

– Пустое. С Гульдией воевать – себе дороже. Опять же из-за одной торговлишки не станут они в свару лезть, тем паче что торговцы могут пойти по Северному тракту – дольше, но лучше так, чем убытки терпеть. Было уж и опять повторится.

– А если торговый люд пойдет через Гульдию, стало быть, гульдам и тут прибыток.

– В корень зришь.

– Так отчего же Миролюб не направил нам подмогу?

– И так стрелецкий полк прислал, откуда ему больше-то взять? Сейчас ему дай бог удержать то, что имеет, да суметь остановить гульдов у Кукши.

– Все одно у нас только две тысячи стрельцов да сотня посадской конницы. А гульды идут двумя полками, да при каждом – по роте драгун, в круговую три с лишком тысячи выходит. В открытое поле лучше и не соваться.

Иноземные полки в своем составе имели в среднем до полутора тысяч солдат, по десять рот; у славен стрелецкие полки не превышали тысячи стрельцов, по десять сотен. Так что даже когда грудь в грудь выходили два полка, перевес был на стороне противника. Плюс к этому солдаты иностранных держав были наемниками – людьми, по большей части семьей и иными заботами не обремененными. Чего не сказать о стрельцах, у которых имелись и семья и подворье. Пополнение полков шло из своих же семей, а какой родитель отправит кровинушку на убой? Потому и обучают они сыновей крепко, не жалеючи. Вот только новое у славен приживается плохо, никак не получается враз отринуть то, что досталось от отцов и дедов. Семейный человек, защищая свой дом, бьется без оглядки, а как подале отойдет, так совсем иной расклад выходит – назад оглянется и о семье подумает: как они будут без кормильца.

– Про две тысячи это ты верно заметил. А вот еще вспомни о том, что наши полки – из бывалых бойцов… Да если успеть снарядить ополчение, это уже сколько получится?

– С ополчением против гульдов? Воевода…

– Да знаю я, что у них на сегодня самая обученная армия, да только и у великого князя нет иного выхода. За стенами мы выстоим, им еще раз пять по столько нужно, чтобы нас раскатать. Но нам-то требуется извести эти полки или восвояси отправить.

– Дак они и к стенам подступать не станут, если им нужно просто тракт перегородить. Встанут лагерем против нас, делов-то.

– Это так, – тяжко вздохнул воевода. Вот только показалось или он и впрямь бросил на парня лукавый взгляд? – Не нужно им этого. Путь преградить – и то ладушки. А как простоят недельку, то тут уж нам нужно будет силу великую собирать, чтобы разбить их.

– Это точно, лагерь за это время они укрепят основательно. Прости, воевода, но не вижу я, как можно волю Миролюба выполнить.

– А исполнить надо, ибо недвусмысленна она. В грамоте ясно сказано: беречь тракт.

– Дак грамота-то была писана еще до сражения. Сколько людей мог тогда отослать от себя Карл? А сейчас дело совсем иное.

– Опять ты ищешь не как волю государя выполнить, а как уклониться от выполнения.

– Прости, воевода, но не знаю я как. Вот прикажешь – хоть сам, в одиночку, пойду супротив полков гульдских, а выхода все одно не вижу.

– Вызывал, воевода?

При звуке этого голоса молодой заместитель Градимира непроизвольно скривился: судя по всему, ни видеть, ни слышать вошедшего в горницу он не хотел, но вынужден был мириться с его присутствием. Впрочем, внешность прибывшего никак нельзя было назвать располагающей.

Высокий, широкий в плечах, с ладной, крепкой фигурой, статный красавец… Точнее, был бы красавцем, если бы эти крутые плечи не венчала голова с сильно изуродованным лицом. Через всю его левую часть сверху донизу, теряясь в ухоженной бороде, проходил кривой бугрящийся шрам. Очевидно, след сабельного удара или тесака приличного, да вот никто в свое время рану не обиходил и швов не наложил. От того удара слегка пострадал и глаз, вернее, не сам глаз, а веко, которое тоже было порезано, а затем срослось как бог положил. Однако на том дело не закончилось. Правая сторона лица хранила след сильного ожога. По щеке, вверх к виску, немного захватив ухо и часть головы, покрытой волосом, сейчас был только уродливый след от былой раны. Оттого и борода у него была как бы обрублена справа, не рос волос на месте ожога. Взгляд вошедшего, как и внешность, благообразностью не отличался: он был суров или даже свиреп, как у зверя, загнанного в угол. Вообще весь облик мужчины говорил о том, что он в любую секунду готов броситься на любого и рвать, пока есть силы, а силушка в этом теле имелась.

Былые раны оставили уродливый след на лице, но никак не изувечили тело, скрытое простым, без рисунка, серым кафтаном. Даже петли для пуговиц были из обычной серой тесьмы, а пуговицы – сплошь деревянные. Обычное одеяние простолюдина, вот только из хорошего сукна, и фасон какой-то необычный, кургузый, больше похож на иноземный, но отличается и от них. Штаны славенские, сапоги из крепкой кожи, но тоже без изысков, просто добротная обувь.

Подпоясан крепким воинским поясом, на котором висят ножны с клинком, больше напоминающим палаши иноземцев, но несколько покороче и со слегка изогнутым лезвием, как у сабли. С другого бока – боевой нож, очень похожий на тот, что был у воеводы, в поясных кобурах – два пистоля, по виду необычные. Конечно, сколь много мастеров-оружейников, столь многообразно и оружие, потому как каждый хочет выделиться, но эти были точно необычными. Вошедший вообще отличался многим, и все его оружие было от лучших иноземных оружейников. Дорогое оружие, очень дорогое, но он готов был выложить за него любые средства, а деньги добывать он умел.

– Проходи, Добролюб.

При этих словах воеводы Боян невольно ухмыльнулся, а и было чему: имя это означало «добрый и любящий», чему никак не соответствовал образ вошедшего. Имя свирепого зверя ему подошло бы куда лучше, впрочем, оно у него было, но он не любил, когда его произносили вслух. То имя, или, если хотите, прозвище, дали ему враги, а их у него хватало.

– Я так понимаю, некогда разговоры разговаривать да рассиживаться. Говори, чего звал.

Кто-нибудь другой уже давно пожалел бы о таком поведении, вот только не этот мужчина. Дело не в том, что он был уверен, что ему ничего не будет, нет, скорее ему было наплевать на все в этом мире и чувствовал он себя здесь только гостем, ждущим, когда его призовут. Одним словом, немила была ему жизнь.

– Вот сидим и думу думаем, как нам те полки остановить, да ничего на ум не идет, – не стал чиниться воевода. Человека этого он знал не первый день, а потому и цену ему составил уже давно.

– А чего их останавливать, пусть подходят да в осаду садятся. Чтобы им Обережную взять, нужно целую армию подвести, а ведь и против великого князя войско нужно. К тому же Забаву в осаду взяли, там не менее двух полков, чай, силы-то у гульдов не бездонные.

– Нельзя допустить, чтобы проход по тракту прерывался.

– Да-а-а, князь у нас нынче рачительный, не то что батюшка его. Тот все норовил всех окрест за грудки потаскать, а этот о мошне в первую руку печется.

– Ты как смеешь, о великом князе… Холоп…

– Ты, боярич, полегче, холопить свою челядь да кабальных будешь, а я в холопах отродясь не хаживал, – метнув свирепый взгляд на Бояна, оборвал Добролюб. – И не сверли меня взором, на мне уж места не осталось, весь в дырках от таких гляделок.

– Остынь, Добролюб.

– А я и не закипал, воевода, ты эвон боярича остуди.

– Хватит. – Сказано это было жестко: вроде и голос не повысил, а сталь так и зазвенела. В ответ на это Добролюб ухмыльнулся и, качнув головой, устремил взор в пол. Вот только ухмылка та была пострашнее оскала звериного. – Заговариваться иной раз начинаешь. Знаю, что жизнь свою не ценишь, но ить и помереть можно по-разному.

– Хм. Убивать-то сразу станешь или сначала послужить потребно? – Лукавство все же проскользнуло на уродливом лице. Многое умерло в душе этого человека, но, знать, не все, и искра от когда-то доброго и любящего сердца все еще тлела, вот только была она настолько слаба, что пламя от нее заниматься никак не хотело.

– Желательно бы послужить, – внимательно глядя в глаза подчиненному, медленно кивнул Градимир.

– Тогда слушаю тебя, воевода, – слегка разведя руки, снова ухмыльнулся Добролюб.

– Как мыслишь, сможем мы остановить ворога в чистом поле?

Ага, как же, «чистое поле». Леса кругом, считай, дремучие, пойти можно только по дорогам, да вдоль реки есть относительно свободный путь, но именно им-то и воспользуются гульды. Не сказать что там теснина серьезная, засеками проход никак не перегородишь, чтобы малыми силами сдерживать большие. Да, по лесам полки вести – сущее наказание, а как про обоз вспомнишь, так и вовсе плакать хочется. Но то в походе, а как в бою, так солдат налегке вполне преодолеет и лесную чащу, и болотце да ударит во фланг или тыл. Так что выражение это, конечно, фигуральное, но только все одно верное, чистое поле и есть.

– А это смотря как останавливать, воевода.

– Стало быть, честью придется поступиться, – вскинулся молодой.

Добролюб окинул его задумчивым взглядом и тяжко вздохнул.

– Вот придумали же – ЧЕСТЬ. Кто на ее счет больше всех печется, как не иноземцы. Все-то мы на западников пялимся, как же – просвещенные народы с развитыми ремеслами и непревзойденными науками, а славены – мышка серая да быдло неученое. Иноземцы нас

жизни поучают на каждом шагу, а мы им в рот заглядываем. Нас грязными славенами называют, а мы киваем, как кони на выпасе. А ведь это они проживают, как свиньи, не мы. Это ведь у них нет отхожих мест, и гадят они где придется, без стыда сбрасывая порты или задирая подолы. Это в их изукрашенных дворцах, замках да усадьбах невозможно в жару находиться, ибо зловонит так, что глаза режет. Это они ходят завшивевшими и почитают это благостью, а бани так и вовсе не знают. Но нет, мы заглядываем им в рот и ждем, когда они нас научат жить. Честь. А достойно чести возносить человека на костер, не разбирая, мужик то, баба, старик или дите неразумное? Враги они нам. Всегда врагами были и будут, потому как мы им только как холопы нужны, как скотина бессловесная. А врага как ни бей, все к добру.

Вот тебе и свирепый зверь. Как видно, образование у этого воина было неплохим, потому что как иначе объяснить его речи? Довелось ему и повидать многое, и со многими пообщаться. Странный и непонятный человек. А не боярского ли роду? Может, потому ему и благоволит воевода да столько позволяет? Градимир ведь и сам отнюдь не худороден.

– Это не ответ на вопрос, – покачал головой воевода.

– Хорошо уже то, что великий князь прислал в крепость полк стрелецкий, двумя полками все легче будет. Не гляди на меня так, воевода, сравняем мы число, а то и большего добьемся, но на то воля Отца нашего.

– И как ты этого собираешься добиться?

– Ни к чему тебе это знать, воевода. Знай только, что есть средство. Да не журись, то мой грех. Потому и не сказываю тебе ничего, что не нужно тебе знать. Выйдешь честь по чести в чисто поле, а что там стряслось или стрясется, тебе пока без надобности.

– А воинской хитростью никак не обойтись? – Мысль о том, что бить врага придется бесчестным путем, Бояну пришлась не по сердцу.

Не нравилась она и враз нахмурившемуся Градимиру. Он знал цену словам Добролюба. Если судить по виду воеводы, предложение для него было неприемлемо, но и отринуть задуманное подчиненным он не мог.

– По воинским премудростям у нас воевода мастак. Значит, коли он меня призвал, то не видит, как можно это дело иначе обделать.

– Десяток свой возьмешь? – спросил Градимир.

– Дак куда же я без него.

– Действуй, с рассветом мы выступаем. – Это сказано было так, словно воевода принял трудное для себя решение.

– Только так, воевода. Если дойдешь до Уютного и не получишь от меня вести, разворачивай обратно и стереги крепость, потому как тогда у нас ничего не вышло и головы мы свои сложили.

– Добро.

Когда дверь за Добролюбом закрылась, Боян, не сводя с нее задумчивого взгляда, обратился к воеводе, явно мучаясь одолевающими его мыслями. Вот не первый день он знает обоих: Градимира – уж несколько лет, этого зверя – более полугода, но никак не может понять, что их связывает и отчего воевода так много позволяет этому странному человеку.

– Градимир…

– Опять тебе Добролюб покоя не дает? И чего ты его не любишь, ить ничегошеньки плохого он тебе не сделал!

– Он служит в нашей крепости, а стало быть, его действия, честь порочащие, на нас ложатся грузом.

– В войне чести мало, тут он прав.

– Воевать можно по-разному, можно и так, чтобы честь не уронить, а он не гнушается ничем, а уж что касаемо гульдов… Вепрь он и есть Вепрь.

– А за что ему гульдов любить? Ты видел его. Это их работа. Сами они на свою голову зверя в нем пробудили, да такого, что как только замирение выходит, он начинает маяться и метаться из угла в угол. И еще, Боян. Вепрем его вороги называют, ты не смей. Возлюбить его я тебя заставить не могу, но чтобы имя это звериное я больше не слышал из уст твоих. Понял ли?

– Понял, воевода.

– Вот и ладушки. Готовь людей, с рассветом выступаем.

Крепость Обережная была названа так, потому что охраняла единственную переправу через большую реку Турань на сотни верст вверх и вниз по течению. Вот так вот незамысловато. В плане она была прямоугольной, большая стороной вдоль тракта – сто саженей, меньшая – восемьдесят. Крепость каменная, что у славен встретишь не особо часто. Но ее поставили сравнительно недавно, а потому она была рассчитана на противостояние огнестрельному оружию: стены и башни вполне могли выстоять длительное время против пушечного огня.

Устройство у нее простое и немудреное. Внутри размещались казармы, обитателям которых сейчас пришлось потесниться в связи с прибывшим подкреплением. В гарнизон входила также и сотня посадской конницы: необходимо было вести патрулирование торгового тракта. Места окружены густым лесом, так что разным татям есть где укрыться и попотрошить проезжих купцов. Помимо казармы имелась и просторная конюшня, где содержались не только боевые кони сотни, но и другие, используемые в качестве тягловой силы. Имелся пушечный двор вместе с крепостной кузней, а также арсенал: две трети боевых припасов хранились именно в нем, треть же была разнесена по башням. Башни, все квадратного сечения, расположены по углам стен, две из них – на северной и южной стенах – одновременно являются надвратными. Южные ворота выходят к торговому тракту, северные – на дорогу вдоль Турани, вверх по течению. Есть церковь, острог, караульное помещение, подворье, на котором находится сотничья казарма, где квартируют командиры сотен, неподалеку от нее – подворье воеводы, а рядом – его помощника.

Крепость имела на своем вооружении десяток пушек, установленных на лафетах, способствующих их относительно быстрому перемещению в ту или иную сторону. Правда, для перевозки на дальние расстояния пушки с лафетов снимались, разбирались сами лафеты, все это хозяйство грузилось на подводы и таким вот образом транспортировалось к месту полевого сражения, где опять должно было собираться и превращаться в грозное орудие. Одним словом, сплошная морока, а если не будет целого дня, чтобы все это привести в божеский вид, то артиллерию в поход взяли зря. При всей своей неповоротливости пушкари проходили по отдельному приказу и имели жалованье вдвое выше против стрелецкого.

Имелся посредине крепости и плац – новшество, перенятое от иноземцев. На том плацу проводились смотры войск, а также учения, чтобы воевода мог воочию наблюдать за тем, как протекает боевая подготовка.

Гарнизон был сменным. А чего вы хотите, коли стрельцы, чай, и семьи имеют, и подворья свои в Брячиславле, где есть целая стрелецкая слобода? Здесь они только служат. Вот отстоят годик, а потом на год домой, если война не случится, а войны проклятущие часто случаются, в особенности с гульдами. Больно они брячиславцев не любят, однако сколько не воюют, а земли пока в прежних пределах.

От неуемных соседей на берегу Турани, напротив земель Гульдии, были возведены три крепости, к ним-то и вела дорога вдоль реки. Лада, Забава и Мила – словно в издевку над супостатом, крепостям дали женские имена, а может, причина была в ином, давно это случилось. Крепости те деревянные, против огнестрельного оружия укреплены слабо, но поставить что-то более основательное пока никак не выходило, как всегда, недоставало средств. Вроде князь и бережливый, и дела ведет с прибытком, да вот только задумал он новшества в княжестве ввести, а под это никаких денег не хватает.

Выйдя на свет божий, Добролюб глянул на солнышко, которое, несмотря на весеннее время, припекало уже совсем по-летнему. Птицы поют, земля силой наливается, вобрав в себя брошенное зерно, плодовые деревья расцвели пышным цветом, обещая обильный урожай, вокруг жужжат пчелы, почуявшие тепло и тут же устремившиеся собирать цвет. Здешний мед ценится, вокруг заливные луга, полные разнотравья, с весны до осени покрытые разными соцветиями, липовая роща да возделываемая местными греча.

Все посадские в крепость съезжаются, повсюду подводы со скарбом селян. Люди забирают самое ценное, но все равно изрядно получается. В посаде останутся только староста да несколько человек. Дома и постройки обкладывают все еще душистым прошлогодним сеном: если появится ворог, враз подпалят и полыхнет посад разом. Вообще здешние места богаты лесом, и противник, коли подберется, в любом случае не будет испытывать трудностей с материалом, однако постройки можно использовать не только для нужд осады, но и как укрытие.

– Эвон вишь – Вепрь, – вдруг донесся до Добролюба мальчишеский голос, полный страха и восхищения.

– Брешешь, – не веря и все же желая, чтобы это оказалось правдой, высказал сомнение другой голосок.

– Собака брешет. Говорю тебе – Вепрь и есть. Ишь, страхолюд какой, ворог его как увидит, тут же обделается, а он его – раз и об колено.

– Я думал, он поболе.

– Да куда боле-то! И без того вон какой здоровый.

Вообще-то особой статью Добролюб не отличался. Да, был крепок. Высок. Но ничего особенного, хотя сила в теле такая, что многие диву даются. Не обидел Бог силушкой, чего уж там. Когда Добролюб слышал из уст окружающих ненавистное прозвище, данное гульдами, он обычно злился. Тому, кто осмеливался назвать его так, доставалось на орехи. Но на кого сейчас прикажете злиться, на ребятишек? Так они не в злобе это говорят, да и смотрят на него как на героя, не меньше. Правда, обидно такое услышать: «Ишь, страхолюд какой».

А ведь было время, когда это страшное лицо было пригожим настолько, что девки глаз не сводили, томно вздыхая. Было, да прошло. Гульды ту красоту попортили, да и бог с ней, дело-то не в этом, в конце концов, он мужик, для него красота не главное. Не за то он лютовал на гульдов. Смерть семьи своей никак простить не мог. Жену да дочку-малютку заживо сожгли, а жену перед тем еще и попользовали. Сам он бился, сколько мог, троих срубил, да только и ему досталось. Посчитали мертвым. Пришел в себя, а подворья то и нет… Из забытья его вывело горящее бревно раскатившегося сруба, которое и обожгло лицо. Как выжил, и сам не понял, но когда оклемался, то хотел одного – крови.

Добролюб бросил последний взгляд на мальчишек, ухмыльнулся. Вот ведь не хотел пугать, а мальцы с тихим вскриком разбежались, только пятки засверкали. Да уж, его улыбки сейчас волк испугается и хвост подожмет, что о детях-то говорить. Мысленно махнув на них рукой, он пошел дальше, все больше мрачнея от того, что люди старались податься в стороны, дабы не оказаться у него на пути. Вроде и попривык уже, но иной раз накатывало. Вот и сейчас как оглоблей огрели, даже дыхание сперло.

Его подчиненные, как и ожидалось, находились на подворье. Даже сотники жили в сотницкой казарме, а вот у них – отдельное подворье. По здравом размышлении воевода решил поселить эту братию обособленно. С одной стороны, отборные бойцы, снаряжения своего видимо-невидимо, как и имущества. С другой – таких лучше держать в сторонке. Одного взгляда на эти разбойничьи рожи было достаточно, чтобы понять: добра от них не жди. Даже воевода для них не был авторитетом, лишь один человек мог отдавать им команды. Хотя они и считались людьми служилыми, командира своего никак не желали называть десятником – только атаманом и величали.

Во дворе его встретила старушка Любава. Знатная травница и лекарка, к ней люд со всей округи стекается, а она никому и не отказывает. Воевода хотел было возмутиться по поводу присутствия женщины среди военного люда, да потом махнул на все рукой. Вообще многое спускалось Добролюбу. Отчего Любава привязалась к этому человеку, никому не было понятно, но она определенно всегда старалась держаться к нему поближе. Может, оттого, что таким знахаркам время от времени достается от разъяренной толпы, когда ум за разум заходит, а в голове одна каша и хочется всю вину за свои горести свалить на чьи-либо плечи. Для такого дела знахарь подходит как нельзя лучше. Потом и пожалеют, и повинятся, а назад уже ничего не вернуть. А коли рядом с лекаркой приключится такой вот удалец… Нет, злобу лучше выместить на ком-нибудь другом.

– Чего, добрый молодец, голову повесил?

– Скажешь тоже – «добрый».

– Добрый-добрый, чай, родичи знали, когда имечко-то давали. А то, что до крови сейчас охочий, дак исцеление твое близко. Скоро совсем появится человек, который жизнь твою перевернет и заставит по-иному на все взглянуть.

– Бабка Любава, ты бросай предрекать-то, – горько усмехнулся Добролюб. – Лекарка да травница ты знатная, на всем свете такой не сыщешь, а вот в будущее ты лучше не зри. Не твое это. Что до доброты, так тебе ведь неведомы мысли мои, а они совсем не добры.

– Дак на ворога идти, откуда тут добру-то быть.

– Бабушка, а есть у тебя травка…

– У меня всякой травки в избытке, и та, что отправить в мир иной может, тоже имеется, потому как если с умом применять, то и она на пользу. Но то не про твою честь, – ничуть не напуганная нахмуренными бровями собеседника, выговорила старушка.

– Бабушка, ты бы сначала выслушала, а потом в крик бросалась.

– Ну говори.

– Нужно колодец потравить в Тихом.

– А я что говорила! – тут же подбоченилась старуха, устремляя на Добролюба победный взгляд и являя собой воплощение неподатливости.

– То, что за смертоубийством к тебе лучше не соваться, я ведаю, потому и прошу тебя не о том, чтобы потравить гульдов насмерть, а о том, чтобы они животами маялись дня два.

– А пока они маются, из них вояки никакие… Ох и баламут!

– Как начнут животами маяться, так их командир пусть и принимает решение. Примет решение отступить – значит, все целы останутся, а пойдут дальше, понадеявшись на свой численный перевес, – ждет их беда, потому как хворый воин и не воин вовсе. Тогда воевода их легко согнет. Но вины твоей в том не будет, грех на их начальнике повиснет, ибо выбор у него имеется.

– Хитро. А ведь не по чести воинской.

– Ой, бабушка, и ты туда же.

– Ладно, чего уж там. Правда, придется извести чуть ли не половину всех запасов трав, намешаю такую бурду, что пронесет основательно. В Тихом два колодца… стало быть, два бурдюка готовить надо, а через пару дней и опасности никакой не останется. До полуночи-то время дашь?

– Можно подумать, у меня есть выбор.

Во двор вошла женщина с сильно округлившимся животом.

– Здравствуйте, бабушка Любава, – слегка поклонилась она.

– Чего тебе, Мила? – окидывая недобрым взглядом пришедшую, спросила старуха.

– Так на сносях я. Вот, думаю, как бы не того.

– Иди, Мила, не до тебя сейчас. Если ничего не приключится, то два дня у тебя еще есть.

Недоброе отношение к женщине, да еще и к той, которой вот-вот рожать, могло показаться по крайней мере странным, но ничего странного в поведении лекарки не было. Она-то чай тоже баба, а как порядочная женщина может относиться к гулящей? Срок придет, бабушка поможет, но только ее отношение к этой женщине не изменится. Конечно, гулящая гулящей рознь. Есть такая, что плоть свою тешит, но за дите любого удавит. А есть такая, которая до последней возможности о своей усладе думает, пока срок не приходит, а тогда мертвым младенцем разрешается. Гнать бы такую из села, да и без нее никак нельзя. Мужикам-то нет-нет – пар спустить потребно. И женки их о том знают, но виду не подают, будто ослепли и оглохли. А ведь в селе все на виду, да и в городах народу не больно-то много: среди четверых обязательно два знакомца найдутся.

Дверь просторной избы распахнулась, и на крыльцо вышел парнишка лет шестнадцати. Ладный должен был получиться мужик, да вот несчастье приключилось с ним пару лет назад, привалило в бурю деревом. Бабка Любава выходила, но паренька перекосило, так что ни за соху встать, ни другим мужским делом заняться. Не желая быть нахлебником в родительском доме до конца своих дней, паренек прибился к ватаге Добролюба. Ватажники поначалу ворчали по поводу прихоти атамана, с воеводой и вовсе отдельно беседовать пришлось, но Добролюб начальство смог убедить, а бойцы и сами угомонились, когда вдруг выяснилось, что они и обстираны, и снедь готова, и в доме прибрано. Нашел себя парень, хоть и тяжко ему.

– Тихоня, скажи парням, чтобы спать ложились, а потом бабушке Любаве помоги.

– Знать, доброе дело будет, господин десятник? – Лишь он один из всей ватаги десятником его и величает.

– Доброе, я на другие и не способен, – хохотнув и вновь одарив свет своей неподражаемой улыбкой, или оскалом, произнес Добролюб, известный окрест под именем Вепрь.

Глава 1
Таксист

– Молодой человек, вы свободны? – пригнувшись к открытому окну «семерки», спросила девушка.

– Да, пожалуйста.

Девушка удовлетворенно кивнула, распахнула дверцу и с обворожительной грацией села на переднее пассажирское сиденье. Вот вроде и не флиртует, ей просто нужно такси, чтобы проехать из пункта «А» в пункт «Б», но есть среди представительниц второй половины человечества такие: какое бы движение ни сделали – все представители первой половины немедленно встают на дыбы. Хотя насчет первой и второй трудно утверждать что-либо определенное: большинство женщин утверждают, что они – первая. С другой стороны, как ни крути, половина – она и есть половина и целым никогда не станет. Это к тому, что выяснение отношений – процесс вековой, но друг без дружки никак нельзя обойтись.

– Извините, а в машине курят?

– Простите, девушка, но нет.

– Жаль.

– Надо было поинтересоваться сразу, там ведь и другие машины были, сели бы в ту, в которой курят.

– Не суть. Главное – доехать. Но хорошо, что у вас не курят. Я сама курю, но в прокуренном помещении или машине находиться не люблю.

Вот как хочешь, так и понимай. То ей жаль, а то очень хорошо. Но с девушками все же попроще, чем с мужчинами. Претендуют они на главную роль или нет, а в бутылку не полезут, хамство не их конек, они всегда стараются обойти острые углы, мол, на нет и суда нет. Благодаря своей податливой натуре рулят они мужиками как хотят, при этом считая, что весь мир вокруг них вертится. А мужик что? Ему главное, чтобы бензопила не заработала, он и потерпеть готов, и капризам потакать, лишь бы любимая улыбалась. Умная женщина это понимает и четко чувствует грань, за которой в мужике зверь проснется, а дура… Дура она и есть дура, гнет до последнего, пока вдруг ее не «осенит», с каким чудовищем она живет. А мужик-то при чем? Он терпел сколько мог. Нет, не все так безоблачно, мужики разные бывают, но это скорее не правило, а исключение.

В России с мужиками сейчас проблема – обмельчали. Взять, к примеру, кавказцев. Встанут друг напротив друга – и давай мериться, кто больше поднимет, кто дальше прыгнет, кто кого поборет. А славяне, в смысле россияне, они тоже очень даже помериться любят: кто больше выпьет. Вот ведь показатель! Выпил литр – красавец, настоящий мужик, выпил поллитра – слабак. И ведь гибнет нация, но люди, словно слепые, идут к пропасти. Были бы лидеры, так нет их. Заняв картинную позу перед камерой, многие могут часами рассуждать о том, что необходимо сделать, вот только делать никто не будет.

Но не всем плевать на происходящее. Есть энтузиасты, которые хватаются за ребят и стараются научить их быть просто людьми. Виктор знал одного такого. Это был сослуживец по армии, не сказать что друг, но и не посторонний, война сближает. Если попытаешься остаться полностью посторонним, просто не выживешь. Рассуждать можно по-разному, вот политики и рассуждают, а парням, попавшим в переплет, не до рассуждений: не за Родину они воюют и не за интересы страны, а друг за друга. Оказавшись в пекле, ты будешь драться не за кого-то далекого и незнакомого, а за товарища, что сейчас рядом, и он будет биться за тебя, иначе обоим не выжить. Вот таким энтузиастом, не безразличным к судьбам наших мальчишек, и

был Андрей. В последние месяцы он и Виктора стал привлекать к этому делу, благо график у таксиста свободный.

Собрал Андрей ребят в возрасте от десяти до восемнадцати лет и организовал детско-юношеский военно-спортивный клуб: без всяких разрешений, без документального оформления, чистой воды партизанщина. Все свое время изводит на ребят. Когда с работой полная запарка – просто беда: он к ребятам рвется, а работа не пускает. Родители мальчишек платят, но это сущие копейки, которых едва хватает, чтобы хоть какое-то снаряжение купить. Живет Андрей в частном доме, под склад выделил сарай, а занятия проводит на свежем воздухе и в дождь, и в слякоть, и в метель. Удивительно, но ни один из учеников еще ни разу не заболел. Андрей вздохнул с облегчением, когда неожиданно Виктор Волков предложил ему свою помощь. Вот и стало их двое дикарей. Правда, Виктор не так фанатично подходил к этому вопросу, но учить ребят ему нравилось: и имеющиеся навыки поддерживаются, и дальше помаленьку развиваешься.

Есть те, кому не плевать, вот только мало их. Да и невозможно самостоятельно эту задачу потянуть, что там двое – капля в море. Вот если это будет политикой государства и станет финансироваться из федерального бюджета, тогда совсем другое дело. Ведь все родители хотят, чтобы их чада занимались спортом или еще чем-нибудь, мечтают оградить их от тлетворного влияния улицы, а вернее, от безделья, но далеко не всем это по карману, не все могут достать и отдать на сторону тысячу рублей ежемесячно. А если детей двое или трое? Вот то-то и оно. Но молодежь занимать нужно. Как говорил ротный старшина: «Все беды солдата – от дурных мыслей, а мысли те – от безделья. Поэтому, сынки, вот вам лопаты – и копайте отсюда и до обеда».

– Остановите, пожалуйста, возле рынка.

– Хорошо.

– Вы меня подождете? Я только фрукты куплю.

– Я вас умоляю. Сколько нужно, столько и ходите, только встать тут негде, я во-о-он там встану, чуть дальше.

– Я вас найду, не переживайте.

– А я и не переживаю.

Виктор и впрямь не переживал. За пару лет работы в такси он успел поднатореть в выявлении благонадежности пассажиров, так что кидалу разгадывал на раз. Бывали осечки, не без того, но нечасто. Если возникали сомнения, он всегда брал предоплату, но эта девушка сомнений не вызывала.

Рынок – такое место, где сроду нормально не припаркуешься, если только за пару кварталов. Но какой пассажир захочет тащиться пешком такое расстояние, да и вообще никто не захочет, потому-то здесь вечное столпотворение, только после четырех вечера народ немного рассасывается. Ага, вот тут можно приткнуться, места совсем немного, но вполне достаточно. Слегка перекроет въезд во двор дома, но это не беда, ведь он останется в машине, так что при необходимости подвинется.

Спокойно припарковаться не получилось, так как в свободном промежутке встали две бабушки и, не замечая ничего вокруг, принялись трещать как пулеметы. Ну что ты будешь делать! Виктор включил поворотник, дал перегазовку. Нет, не замечают. Посигналил. Одна вроде посмотрела в его сторону, он через лобовое стекло показывает, мол, мне туда надо. Поняла, взяла под локоток подружку, и они посторонились. Виктор быстро притер машину на свободное место и тут же вооружился книгой. А что прикажете делать, если подолгу приходится ждать пассажира? Большинство таксистов не тяготились ожиданием и могли сидеть в салоне хоть два часа кряду, но у Виктора терпения не хватало, да и любил он почитать.

– Это ты тут сигналишь?

Виктор бросил непонимающий взгляд в сторону мужчины. Тот, пригнувшись, заглядывал в салон через окно пассажирской двери. Был у Виктора недостаток: если читал, то увлекался настолько, что невольно выпадал из реальности.

– Что, простите?

– Я говорю – ты тут рассигналился?

Мужик явно заведен, впрочем, оно и понятно: жить возле рынка – то еще удовольствие. Постоянно забитая машинами улица, звуки работающих двигателей, сигналы, крики… У кого настроение будет в порядке?

– Я просто попросил бабушек подвинуться, чтобы припарковаться.

– А какого сигналишь? Не мог выйти и по-людски попросить?

– Мужик, ты болеешь? Как ты себе это представляешь? Я выйду посреди дороги, а на остальных водителей плевать?

Виктор уже начинал заводиться. Он не любил хамства и сам не любил хамить людям, а уж тем более незнакомым. Интересно, а если бы он на «мерсе» навороченном припарковался, а не на «семерке», да еще и с таксистской шашкой, этот пень также вышел бы права качать?

– А бабушки тебе мешают, значит?

– Так, все. Вали давай.

– Нет это ты вали. Загородил проезд. Сейчас сюда машина с грузом приедет.

– Приедет – отъеду. – Виктор попытался снова уткнуться в книгу, да не тут-то было.

– А ну отъезжай, кому говорю! Тварь таксистская!

Нет, понятно, что допек мужика рынок, но зачем так себя вести? Виктор и сам не понял, как оказался перед жильцом, кипевшим праведным гневом. Ничего так, крепкий, хотя и на полголовы ниже. Волков четко чувствовал, что тот ему на один зуб, ну, может, на два. Парню всего-то двадцать семь, а сопернику – никак не меньше сорока. Хоть он и крепок, но уступит и по силе.

– Слушай, мужик, ты за языком-то следи. Не ровен час, беда приключится.

– А ты ударь. Ударь, чего стоишь?!

Ага, ударь такого. Рынок ведь, тут несколько нарядов ментов постоянно дежурят. Даже если не спеленают сразу, то вот она машина, а на ней номера, долго искать не придется. Ну почему этому уроду неймется? Подумаешь, посигналил, ведь не матом же обложил. Волков точно тут ни при чем, просто достали мужика. Хорошо, ну а он-то что же, мальчик для битья?

– Можно и ударить, да только нет охоты разбираться с ментами.

– А ты не с ментами будешь разбираться. Сейчас свистну, и двое моих сыновей выйдут, так накостыляют, что рад не будешь.

– А давай, – вдруг воодушевился Виктор.

– Что «давай»? – опешил мужик.

– Свисти, падла. Тебя бить как-то зазорно, а твоим охламонам настучать – самое то. Чего замер? Свисти, говорю. А раз нет, тогда вали от греха подальше.

– Ты, тварь, не указывай мне, что делать! Отъезжай, кому говорю! – вновь оседлал свою лошадку недовольный житель.

Вот так вот. Уверился, стало быть, что никто его трогать не будет. Сыны там не сыны, но с ментами этот таксист явно связываться не будет. А он и не связывался бы. Вот если бы этот тип чуть сбавил обороты, ей-ей не связывался бы, а так… Хрясь! Мужик только пятками сверкнул. Но крепок. С ног свалился, головой мотает, но в отключку не ушел.

– Ну ты как? Живой?

– Ой, а что это у вас тут?

А вот и девушка появилась. Правильно он ее просчитал, такая не кинет.

– Ничего особенного, просто небольшой урок вежливости. Садитесь, пожалуйста. А ты, мужик, запомни: таксист деньги берет за проезд, за хамство идет отдельная такса.

– Я тебя… Ты за это ответишь… Милиция!

– А говорил «сыны»… – Тяжко вздохнув, Виктор с явной угрозой подступил к мужику. Тот сразу замолчал. – Понятно, что обидно, но ведь ты просил и получил то, что просил. А теперь из меня виноватого хочешь сделать? Ну и кто из нас тварь?

Вот же не было печали. Трудно было сдержаться? Видать, трудно. Если нет трудностей, мы их сами себе устроим, а потом будем героически преодолевать. Интересно, чем это для него обернется.

– А что там произошло? – когда они уже ехали, поинтересовалась девушка.

– Да ничего особенного. Достало мужика житье возле рынка, в другое место переехать не может, вот и срывается, на ком может. А таксист для этого дела подходит лучше всего. Только не на того нарвался.

– Но ведь он запомнил ваш номер машины?

– Скорее всего, – тяжко вздохнул Виктор.

– А оно того стоило?

– Может, и нет, да только мужик – это не только тот, кто яйца носит, но и тот, кто постоять за себя и близких может. «Мужество» ведь от слова «муж» происходит, то есть от «мужчины».

– Вот вы и проявили мужество, а теперь жалеете об этом.

– Пожалуй, станете смеяться, но нет, не жалею. В том, что у меня возникнут неприятности, я почти не сомневаюсь, есть надежда, но это вряд ли, вероятнее всего, он уже позвонил в милицию или с рынка вызвал наряд… но вот не жалею, и все тут. А этот впредь будет ходить ворчать или даже ругаться с водителями, но за языком своим будет следить.

Они остановились на светофоре, рядом встала «тойота», в которой сидели двое горячих кавказских парней.

– Эй, красавица! Давай к нам!

Девушка тут же нахмурилась и демонстративно уставилась вперед. Виктор только ухмыльнулся. А он что говорил. Есть такие девушки, мимо которых мужики пройти спокойно не могут, только беспокойство это варьируется в зависимости от степени персональной смелости или наглости. У этих и со смелостью, и с наглостью все в полном порядке. С другой стороны, в родных краях у них с женским полом трудно, там многочисленные родственники блюдут честь семьи, к тому же ввиду строгих нравов и сами девушки там скромные или забитые. Вот и отрываются парни, приезжая в Россию. А что? Здесь все можно, все местные бабы – шлюхи; как только увидят неотразимых детей гор – готовы на все, а если не готовы, то кто их спрашивать будет? Да и заступиться за них некому. У себя дома эти парни даже мысли допустить не могут, чтобы пристать к девушке на улице, а здесь – все дозволено.

Тронулись. Спешившие до этого парни отчего-то поумерили пыл и пристроились сзади. Виктор внимательно посмотрел в зеркало заднего вида. Идут как привязанные. Может, оно и по пути, вот только вторая полоса свободна, а ребята тянутся за неспешно ковыляющим такси. Пятьдесят-шестьдесят километров в час при свободной дороге – это для джигита не скорость. Господи, а как день-то хорошо начинался.

«Откуда только ты на мою голову взялась, красавица? Все проблемы через тебя», – подумал Волков. Сидит, притихла, смотрит вперед. Видно, что девушка нормальная, скромная, но сильно в ней проявляется женское начало, так что мужики мимо не пройдут. Виновата она в этом? Вряд ли. Конечно, можно просто довезти девчонку до места, получить плату и пусть все идет, как идет. Но он знал, что так поступить не сможет. Тому было много причин. С одной стороны, все еще аукалась война. Да и отец с самого детства учил, что сильный должен постоять за слабого, а за девочку вступиться – вообще правое дело. Еще был такой пунктик: такси – это ведь не просто «посади, подвези», водитель еще и ответственность за сохранность пассажира на себя принимает. Смешно, конечно, но Виктор действительно так полагал. К тому же не всем русским парням плевать на происходящее вокруг, и Виктор из тех, кому не плевать.

Может, поэтому и помогает время от времени Андрею возиться с ребятней. Но основная причина, наверное, заключалась все же в самой девушке: подспудно хотелось произвести на нее впечатление, даже если они больше никогда не увидятся.

К дому он подъезжать не стал, остановился возле скверика, за которым было несколько многоэтажек. Пройти не так далеко, но попробуй разбери, в каком из домов живет красавица, к тому же в каждом по четыре подъезда да по девять этажей.

– А зачем вы здесь остановили?

– Вам лучше пройтись пешком. Эти уроды не отвяжутся. Вы хотите, чтобы они знали, в каком подъезде вас искать?

– Нет, не хочу. Но они могут пойти за мной.

– Не пойдут. Слишком ленивые, в сквер на машине не проедешь, а они предпочитают знакомиться, не выходя из машины.

– Спасибо.

– Да не за что.

Расплатившись, девушка направилась по дорожке в сторону домов. Насчет преследователей Виктор ошибся. Как видно, их жаба задушила: ведь сколько плелись за этим такси, а теперь что же, все зря выходит? А может, девушка слишком понравилась. Виктор и сам положил на нее глаз, вот только на работе он предпочитал работать. Если начать путать личное с производственным, то о заработке можно забыть. Один из кавказцев выскочил из «тойоты», быстро догнал девушку и придержал за локоток, явно завязывая разговор. Вроде пока без особого хамства, но дела это не меняет…

«Эх, грехи наши тяжкие!» – вздохнул про себя Виктор и вышел из машины.

– Парень, она, кажется, не хочет с тобой общаться, – окликнул таксист. Ничего так паренек, видно, что молодой и глупый, но бычок изрядный.

– А ты ей кто?

– Тебе какая разница? Я точно знаю, что ты ей – никто. Девушка, идите.

– Стой, где стоишь. – Парень покрепче ухватил за локоть дернувшуюся было красавицу и заставил замереть.

– Послушай, горячий сын гор, отпустил бы ты ее.

Сзади легонько хлопнула дверь. Волков не услышал бы этого, если бы не ждал, что второй непременно влезет. Не мог он не вмешаться, такова натура. Эти ребята, будучи поодиночке, ведут себя весьма осмотрительно, все же не родные края, но вот когда их двое – песня уже совсем иная.

Шаги приблизились вплотную. Все, дальше тянуть нельзя… Конечно, дело может закончиться словесной перепалкой, вот только сомнительно. Такое возможно, если заметен хоть какой-то паритет сил, а когда на их стороне явное преимущество, дети гор почти стопроцентно применят силовой вариант, а в довесок попытаются задавить и опустить.

Виктор слегка обернулся и искоса осмотрел стремительно приближающегося парня. Да что же это сегодня за день! То, что эти двое – явно не задохлики, было видно, когда они в машине сидели, но два квадрата – это слишком, точно отметелят, да еще и не успокоятся, будут тыкать мордой в землю и жизни поучать. От этих мыслей в груди словно закипело адское варево, дышать стало трудно, но не от страха, а от злости и чувства безысходности, потому как выходов оставалось только два: бежать, и как можно быстрее, ибо парни спортивные, могут догнать, или гасить их, жестко и быстро, иначе загасят его. Был третий вариант вроде: «Пацаны, прошу прощения, был неправ». Но едва он подумал об этом, как адское варево начало бурлить так, словно огонь под котлом многократно усилился. Вот странно, в груди клокочет, а голова ясная, была у него такая особенность, которая пару раз в прямом смысле спасала жизнь.

Невесело ухмыльнувшись, Виктор начал поворачиваться к первому, который все еще продолжал удерживать девушку. Так просто напасть не может даже законченный подонок, ему

нужно для начала придать своим действиям справедливый характер, доказать всем, и в первую очередь самому себе, что он прав, нагнать страху на будущую жертву, в конце концов, накачать себя, а для этого явно требуется завязать разговор. Поэтому на стороне Виктора был фактор неожиданности. В первые мгновения вырубить одного, чтобы сравнять силы, – вот что ему было нужно.

Но время еще есть, может, все-таки… Отчего-то вспомнился анекдот. Ведут русского и еврея на расстрел, тут русский и говорит: «Давай сбежим», а еврей почесал затылок и усомнился: «А хуже не будет?»

«Э нет, хуже точно не будет!» – сделал однозначный вывод Виктор.

Все это в секунду, словно узор в калейдоскопе, пронеслось в его голове, а в следующий миг он, не оборачиваясь, ударил подходящего сзади ногой в колено, в грудь такого замучаешься пробивать. Попал удачно, точно в коленную чашечку, очень больно, настолько, что парень даже взвыл или, вернее, взревел. Больно, но не смертельно, подвижность он потеряет, но не выпадет из действия окончательно, а его нужно именно выводить из игры. Впрочем, Волков и не рассчитывал таким образом избавиться от противника, а вот создать условия для последующей атаки – это дело другое. Следующий удар был нечестным, неспортивным, недостойным (господи, сколько у него эпитетов!), но убийственно эффективным, и этого не отнять. Ага, в пах. Со всей дури. Хрен его знает, говорят, так можно и на инвалидность перевести, но Виктор по этому поводу не заморачивался. Здесь все просто: либо он, либо его, эти парни прощать не умеют, только если с высоты, по-барски или по-хозяйски, опустив тебя ниже городской канализации, но вот этого Волкову точно не нужно.

Разворот навстречу второму. Девушка уже забыта, она с криком бежит к домам, но джигиту и не до нее. Что там баба, другую найдет, а вот этого нужно валить. Как он посмел?! Первая же атака едва не оказалась последней. Виктор без труда поднырнул под боковой удар правой и хотел было атаковать по корпусу, когда скорее ощутил, чем увидел апперкот левой. Как видно, боксер: больно движения продуманны и техничны, а главное, быстро все произошло. Спасло Виктора то, что на одних инстинктах, вообще не думая, он каким-то невообразимым образом сумел извернуться, довернул корпус, пропустил мимо торса стремительно несущийся кулак, слегка перенаправил его левой рукой, а затем, продолжая движение, с разворота нанес удар ребром кисти правой руки в основание черепа нападающего. Хотя кто из них нападающий, поди разберись, ведь фактически первым начал Волков.

Парень рухнул как подрубленный. Если во время инцидента на рынке Виктор себя хоть как-то контролировал, то тут полностью отпустил вожжи, а потому крушил с такой силой, на какую вообще был способен. Нет, он не был безбашенным, но имел дурной опыт.

Это было в учебке, в армии. Перед вечерней прогулкой их, как всегда, посадили на просмотр новостей. Обычная практика. Вся рота вооружается табуретами и вываливает в центральный проход казармы перед телевизором, висящим на высоте примерно два с половиной метра. Рассаживаются повзводно, словно в походной колонне, и смотрят. Вот в один из таких вечеров к Волкову подвалил некий «дедушка», чтобы к чему-то там припрячь. Виктор послал его по известному адресу, тому это, естественно, не понравилось, и он ударил наглого молодого. Виктор взъярился и ударил в ответ, но так, без фанатизма, только чтобы обозначить, что готов постоять за себя. Тут же появился еще один «дедушка», а вокруг образовалась пустота. Понимая, что теперь придется иметь дело с двоими, Волков намотал на руку поясной ремень, демонстрируя намерение применить латунную пряжку. Тот, что задирал его, тут же вооружился табуретом.

Наверное, во всем виноваты многочисленные книги, которые Виктор успел прочесть ранее: он отчего-то решил, что если выпустить ремень, то противник опустит табурет. Он его и опустил… на голову Виктору. Вернее, хотел на голову, но тот разбился о подставленную руку и разлетелся на куски. Тогда ему крепко досталось, но тому случаю он остался благодарен.

Избить-то его избили, но не до больнички, через пару деньков только синяки остались, но зато он запомнил на всю оставшуюся жизнь: начал драться, так дерись, не надо из себя благородного лепить. Либо ты, либо тебя.

Один из кавказцев, скрутившись в позе эмбриона, тоненько скулил, стало быть живой. Над вторым пришлось склониться, бил-то от всей души. Но ничего, пульс бьется. Виктор пошевелил ему голову, тот никак не прореагировал. Может, и не сломал ему ничего. Девчонки уже и след простыл. Вот так вот, ни телефона, ни имени, да и бог с ней. Валить нужно, и чем скорее, тем лучше. В порядке окажутся – ладушки, мести он не боится, чай, тоже не в дровах нашли, а если беда какая, так лучше держаться отсюда подальше.

«Семерка» завелась с полоборота, никакого тебе закона подлости, все чин чином, как и должно быть с ухоженным и отрегулированным движком. С места он не рвал, нормально тронулся, чтобы лишний раз не привлекать к себе внимание, хотя сердце так и ухало об ребра. Выезд на большак, но тут все в порядке, горит зеленый. На всякий случай бросил взгляд по сторонам, а то зеленый – это еще не все, лучше перестрахуйся. Стоит КамАЗ с фурой, вторую полосу не видно. Да и бог с ней, зеленый же. А вот хрен с два!!!

Глава 2
Налево пойдешь…

«Газель» неслась как угорелая. Куда, спрашивается, и с какой стати водитель решил строить из себя крутого гонщика?.. А может, он был пьян или просто прозевал сигнал светофора. Да кто ж его знает, что там случилось. Вот сейчас Виктор осмотрится по сторонам и, если встать сумеет, обо всем и спросит этого идиота. Капитально он в бочину вошел. По всему получается, вся левая сторона должна собой представлять одну сплошную отбивную, потому как он отчетливо помнит стук, треск сминаемого металла и разрываемой обшивки, а еще помнит, как этот металл наваливается на него любимого, вызывая адскую боль… Но вот отчего-то нигде не болит. Вернее, болит почему-то только голова, а все остальное – вполне нормально.

Воздух какой-то чистый… Нет, не так. Он наполнен разными ароматами и свежестью, как бывает только в лесу или в полях. Голоса птичьи… это на центральной-то улице города, где за шумом машин никакую пичужку не услышишь. Хотя скверик там неподалеку был, может, его туда отнесли… Нет, ну вот надо же, как день не задался! А все через красавицу: «Молодой человек, вы свободны?» Свободен, блин. Теперь, похоже, от многого свободен. И все же почему это машин не слышно? Скверик не скверик, а на дороге, проходящей поблизости, ни днем ни ночью движение не прекращается, разве что поток ослабевает. А может, ночь уже? Но почему тогда птиц слышно?.. Со стороны могло показаться, что Виктор долго и упорно обкатывал все эти мысли, но на самом деле они пронеслись с огромной скоростью.

Едва разомкнув веки, он тут же зажмурился от ударившего в глаза солнечного света и поплывших разноцветных кругов. Да-а, знатно его деревом привалило, видать, вон взор как помутился… Глядишь, еще отпустит. Не стоит спешить, надоть двигаться тихонько, неторопко, будто зверя выслеживая… Хоть он не охотник, промыслом живущий, однако всякого в жизни попробовать пришлось.

Стоп. Какое дерево? Какой зверь? Он в жизни ни разу на охоте не был, ну если не считать таковой операцию в зеленке. И вообще его машина приложила. Дорожно-транспортным происшествием это событие называется или, если хотите, автокатастрофой. Что это за мысли о деревьях? Ага, еще и буря какая-то припоминается. И на каком это он языке про дерево подумал? Какая-то дикая смесь из украинских, белорусских и польских слов. Нет, он мог кое-как разговаривать по-украински, понимал кое-что, но если начинали говорить бегло, очень даже запросто мог потерять нить разговора. С польским и белорусским и вовсе швах, лишь отдельные слова знает… ну, может, с трудом кое-что и понял бы. Но вот ассоциация именно с этими языками. Бред какой-то.

Бред. Ну да, а что же еще-то. Он опять приподнял веки. На этот раз вроде полегче: и свет не так режет глаза, и кругов поменьше… постепенно они и вовсе пропали, а взору предстала занимательная картина. Находится он, оказывается, в лесу. Ну никак это место не походит ни на парковую посадку сквера, ни на лесопосадку, огораживающую поля. Вот как есть лес. Причем лес худой: на дрова вполне годится и кособокую постройку, если что, можно сладить, бог с ним. Но не строевой. А тут строевого леса отродясь не водилось: деревья высокие, но все больше вяз, ясень да клен, есть бук и дуб, но тоже не особо стройные. Тут пока заготовишь хорошие бревна, можно не семь, а двадцать семь потов согнать, а на выходе получить мелочь. Хм… а откуда он все это знает?.. Так его бред, не дядьки чужого. Да, тоже верно…

А вот и дерево, которым его приложило во время бури. Но, судя по размерам, Виктор его все же не головой принял, а как-то вскользь оно прошло, иначе тут никакая черепушка не выдержала бы, ствол-то кривой, в поперечнике никак не меньше пятидесяти сантиметров,

длина приличная, да и крона широкая. Вяз, именно вяз. Падая, он еще и сильно замедлился, пока своей кроной проминался сквозь другие деревья.

Виктор непроизвольно пощупал голову, обнаружил шишку. Вот она, родимая, слева, да здоровая, с женский кулак будет. Ай, больно. А в бреду разве бывает больно? Ну, приложило-то капитально, вот и болит даже в бреду. Почему же тогда ничто другое не болит? А черт его знает, в конце концов, у него это первый в жизни бред, раньше только сны цветные доводилось видеть, как-то бог миловал. А может, он того… а это сад эдемский? Ну да, а откуда в раю могло взяться ощущение боли?.. Ад? Нет, больно красиво и благостно. А княжество Брячиславия – вообще залюбуешься. Брячиславия? Ну да, точно так. Княжество славенское. Славянское? Нет, именно славенское, потому как славены – народ многочисленный. Они на огромных землях обретаются, если их под одну руку объединить, то и Сальджукская империя уступит размерами, да что там, половину Старого Света займут. Старого Света? Значит, и Новый есть? Нет, ну если есть Старый, то Новому быть сам бог велел. Занятный такой бред. Сон не сон – не поймешь. Нет, точно не сон: в сновидении, даже цветном, все как-то не по-настоящему, а тут и боль чувствуется, и запахи обоняются, и слух работает – вон птички поют, и осязание имеется – ладонь лежит на стволе, дерево трогает, оно шершавое, как настоящее. Да и голод о себе знать дает.

Стоп. Руки. «Руки не мои», – осознал Виктор. Осмотрелся. Длинная рубаха-косоворотка с двумя деревянными пуговками, поясок на талии, к которому подвешены ножны с ножом, с другой стороны – кошель, вот только там всего-то три мелких серебряных копейки… А об этом-то он откуда знает? Не суть. Вместо джинсов – просторные порты. Штаны? Ну да, штаны, но именно порты. Сапоги – из крепкой кожи, за них плачено много, но добрая обувка для скомороха – это дело ох какое нужное, в лаптях не больно-то по дорогам побродишь. К тому же публика на скомороха, обутого в лапти, не так заглядывается, потому как лапти – это признак бедности, а коли скоморох беден, то неудачлив, стало быть, ничего интересного показать не может. Логично. Все указывает на это, так как одежда вполне хороша, мокрая, правда, но по-другому после бури и быть не может.

Вот только надета та одежка не на него. Не его это тело. В зеркало себя еще не видел, но вот не его – и все тут. Он был сложением поплотнее, не пухлый, но все же посправнее, чем этот, а вот руки у него нынешнего хотя и посуше будут, но сила в них немереная, отчего-то чувствуется это. Такие кисти бывают у тех, кто одной рукой орехи давит. Крепкие руки. Ростом новый Виктор повыше будет. Однозначно выше.

А вот и дорожная сума. Там немного еды, метальные ножи, коими он пробавляется, шары разноцветные числом в десяток, он их мастерски подбрасывает, причем разом все в воздухе держать может, еще кое-что. А откуда он все это знает? «Кому, как не тебе, знать, если это твой бред», – услужливо подсказало сознание. Еда! Есть хочется так, что живот сводит, бред там или нет. Как говорят: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда». Тут не любовь, ну да и ладно.

В суме, изготовленной из хорошо выделанной кожи, не такой уж жесткой, но и особо мягкой ее не назовешь, обнаружилась краюха хлеба и кусок сыра, да в довесок – фляга с водой, вот и вся снедь. Впрочем, скудность угощения отчего-то не вызвала никакого негатива, вроде нормально все. Единственная мысль мелькнула, что надо бы в первом же селении озаботиться припасами, так как в городе будет дороговато, а там как еще пойдет представление. В городах народ на всякое нагляделся, а если есть какая скоморошья ватага, так и вовсе беда, поди с такими потягайся. А почему он не в ватаге? Дак одиночка, не любит над собой никого, а свою ватагу сбить не выходит, денег недостает. Нет, оно, конечно, по-разному бывает. Случается, и золотые в кошеле звенят, вот только натура дурная сразу свое берет: пропить, прокутить, хоть на часок себя богатым почувствовать. Нет, складывать в кубышку – не про него.

Есть слегка зачерствевший хлеб и твердый сыр оказалось удовольствием ниже среднего. Каждый укус, каждое жевательное движение отдавались болью в голове, но поесть было нужно. Вскоре он расправился с завтраком… Или с обедом? Бог весть, где тут восток, а где запад. Как выяснилось, и это он знает. Время близилось к обеду. Отчего-то подумалось о том, что если у него ни кола ни двора, то в этой одежке круглый год не побродишь, нужно что-то поосновательнее. И тут ситуация разрешилась. Не в смысле что-то нашлось, а как раз наоборот – потерялось. Была у него вьючная лошадка, на которой он всюду возил свои нехитрые пожитки, там же хранились и крупа, и соль, и другое, а в суме – так, только для перекуса. И одежда: зимняя, сменная и та, в которой выступает, лежала в отдельном вьюке. Так, а где, собственно говоря, его собственность? А бог ее знает. Вот как тем клятым вязом приложило, так ничегошеньки и не помнится.

Странный какой-то бред. Вообще все странно. Помнится, если во сне ему хотелось есть, то, сколько бы он ни ел, насытиться не мог, а тут вполне себе набил желудок и тот успокоился, жадно набросившись на добычу.

На дорогу он вышел совсем скоро, а вернее, уже через пару десятков шагов. Дорога – это громко сказано, конечно. Полоска утрамбованной и укатанной сотнями колес и ног голой земли, вьющаяся между деревьями. После вчерашней бури идти по ней было несколько проблематично, но, судя по наступившей духоте, уже завтра утром она если и не просохнет окончательно, то уж точно не будет представлять собой аттракцион из скользкой грязи.

Прежде чем Виктор определился, в какую сторону двинуться, перед его взором предстала старушка. Она брела по краю дороги, стараясь ступать по траве. Земля-то на середине дороге утрамбованная, но больно скользкая, а вот с краю – мягкая, под ногами легко проминается, грязь не липнет, потому что трава тому мешает. Есть такие бабушки… Только взглянешь, так сразу понимаешь – мегера. Кстати, большинство стариков почему-то отличаются противным характером, уж по отношению к посторонним – точно. Возможно, это связано с тем, что к ним уже давно пришло осознание того, что жизнь прожита, пора подводить итоги, а ведь не хочется, вот и срываются на молодых, у которых все еще впереди. Во всяком случае, именно к такому выводу пришел Виктор, а потому на стариков старался не обращать внимания, в крайнем случае отходил в сторону, даже не пытаясь вступать в перепалку.

Гораздо реже встречались вот такие старики, которые к молодым относятся со снисходительным пониманием. Они тихо радуются, что с их уходом ничего не закончится, а будет иметь свое продолжение, в чем-то по-новому, в чем-то по-старому, но продолжение будет. Эти даже если и поучают жизни, то делают это ненавязчиво, с большой долей иронии, просто соглашаясь с тем, кто совершает ошибку, и вворачивая от себя какую-нибудь фразу с подтекстом. Сказали – и вроде равнодушно отвернулись или добродушно улыбнулись, а ты чешешь репу и думаешь, то ли лыжи не едут, то ли… ну понятно.

Вот именно такой и была встреченная старушка. Возраст… Вот с возрастом были трудности, ей с равным успехом могло быть и семьдесят, и восемьдесят, а двигалась так, что больше пятидесяти никак на дашь, эдакий живчик в темно-синем платье и цветастом платке, из-под которого выбилась седая прядь. В руках – вместительная корзина из потемневших ивовых прутьев, как видно, работа уже давнишняя, не первый год изделие служит хозяйке. Корзина доверху набита различными травами. Ага, выходит, травница. Почему травница? А кто еще-то сразу после бури пойдет в лес и станет разгуливать с корзиной, наполненной только что собранными травами?

– Здравствуйте, бабушка.

– И ты здрав будь. Чего слова цедишь, будто позабыл?

А что тут скажешь – и правда позабыл, права бабка.

Каждое слово будто сначала вспоминается, потом он припоминает, как его произнести, а уж после говорит. Но раз не назвала его иностранцем, значит, говорит без акцента. Интересно,

а как это получается? Это же все не на самом деле. Или все же что-то такое приключилось и это происходит взаправду? Нет, он, конечно, много читал про перенос сознания, про другие миры и тому подобное, вот только все это было из разряда научной фантастики или развлекательного фантастико-приключенческого чтива. На эту тему он перечитал просто море книжек, его работа к этому располагала: пока ждешь пассажира, читаешь, ни о чем особо задумываться не надо, просто отдыхаешь, и все. Так что продолжаем отрабатывать вариант, что происходящее – бред.

– Может, и позабыл бабушка. Вот как приложило вчера по голове, так и маюсь.

– По голове, говоришь… – Бабка быстро осмотрелась и, заметив старый, уже почти полностью покрывшийся лишаем пень, махнула в его сторону. – А ну, присядь-ка.

– Бабушка, только у меня всего-то три копейки.

– Дак ничего удивительного, скоморошья твоя душа. Садись, кому сказываю. Вот так вот скачете по жизни, как стрекозы, на всякую пригожую бабу как кобели прыгаете, а они и рады-радешеньки… – Ворча, бабка приступила к осмотру, время от времени надавливая то там, то сям, отчего на лице Виктора появлялась болезненная гримаса. – И что только в вас находят-то? Окромя отростка окаянного, коий постоянно зудит, ничего и нету, а мужики справные отчего-то им скучны. Дурынды, прости Создатель душу мою грешную. Чем это тебя так-то, касатик? Уж не лихие ли людишки приложили дубиной?

– Если бы лихие, то последнее отобрали бы. Молния в дерево ударила, оно переломилось у самого основания, ну и прилетело на меня.

– Ага. А что же ты, касатик, все свое имущество пропил, что так налегке-то?

– Была у меня лошадка вьючная, да подевалась куда-то, когда меня приложило.

– Если лошадка добрая, то вернулась бы опосля, когда гроза улеглась.

– Добрая, бабушка.

– Ну а коли не вернулась, то либо другим деревом приложило, либо волки подрали. Хотя сомнительно, в эту пору они в стаи не сбиваются, а в одиночку волк на коня не пойдет. Ну или кто прибрал скотинку бесхозную.

А то он сам этого не понимает. Однако что толку печься о потере? Ему бы поскорее прийти в себя да понять, насколько качественно приложило там, в реальном мире. Но, с другой стороны, коли туда ходу пока нет, нужно доигрывать здешнюю партию. Именно что доигрывать, потому как все это он воспринимал как навороченную компьютерную игру. Вот на этом уровне ему нужно выбраться из леса, и помогает ему в том юнит в виде бабки-травницы. Только больно уж реалистичная игра получается – не в 3D, а эдак в 20D. Понятно, что еще не изобрели, но лиха беда начало.

– Что с головой-то? – Бред не бред, а интересно, насколько пострадало тело, коим ему теперь предстоит пользоваться.

– Шишка. Крепкая у тебя головушка, сдюжила, а прилетело, по всему видать, знатно, душу вытрясти должно было враз.

– Знать, повезло.

– Повезло, не без того. Ты уж прости, болезный, но только нечем мне тебя полечить, я ведь за травами в лес подалась.

– Да за что же прощать-то, спасибо, что посмотрели. Похоже, ничего серьезного не приключилось, уже большое дело.

– Как звать-то тебя, касатик?

– Виктором, – абсолютно не думая, выпалил Волков.

– Язык придержи, бестолочь! Нешто можно первому встречному-поперечному крестильное имя сказывать!

Виктор сильно удивился подобной постановке вопроса, но, покопавшись в памяти прежнего владельца тела – ага, вот такая у него появилась ассоциация, – понял, что ничего удиви-

тельного тут нет. Славены достаточно давно приняли крещение, лет четыреста назад, но старые поверья никоим образом не отринули. Новая вера прижилась среди них по-своему, по-особому. Имена давали при крещении. Но родители называли детей по своему усмотрению до той поры, пока подросток не обретал характер, по которому и подбирали «взрослое» имечко, которое было ведомо всем и характеризовало его для других, даже незнакомых людей. Крестильное имя могли знать только близкие, потому что через него можно было к душе подобраться. Таким образом, человек за всю жизнь получал три имени.

– Добролюбом люди кличут, – озвучил он услужливую подсказку памяти.

– Знать, не такой уж ты и шкодник, коли так прозвали. Хотя от юности до старости сильно поменяться можно. Многих знаю, которые имечку своему уж не ответствуют, а люди продолжают кликать по-старому, потому что привыкли. Куда идешь-то?

– А я и не знаю, – честно ответил Волков. Он действительно не знал. Нет, прежний владелец тела явно куда-то шел, вот только нужно ли было в ту сторону Виктору, вопрос.

– Стало быть, как есть перекати-поле.

А что тут возразишь. Сейчас он и впрямь не имеет ни цели, ни направления. Куда ветер подует, туда и понесет.

– А коли тебе без разницы, – продолжила старушка, – то имей в виду. Пойдешь налево – зверя лютого повстречаешь, но счастье и дом найдешь.

– Дак перекати-поле же, какой мне дом? – решил поддеть травницу Виктор.

– Был перекати-поле, да обломили. Другой ты. Вот в первый раз тебя вижу, а чую, другой – и все тут, нет того скомороха. Направо пойдешь – пропадешь, да так, что никто не вытащит.

– А если прямо пойду? – опять не сдержался Виктор.

– Нету прямо дороги, неужто не видишь?

– А все-таки?

– Вот же балагур! Топь там начинается, так что далеко не уйдешь, все одно воротишься. И назад дороги нет, – предвосхищая вопрос, проговорила старуха, – дорога меж топями проходит.

– А тебе куда, бабушка?

– А вот мне как раз направо.

– И как быть? Я ведь хотел помочь тебе донести корзину, чай нелегкая. А давай тебя доведу и потом назад ворочусь?

– А нет тебе туда дороги. Ни шагу нет. Шаг шагнешь – потом хоть в любую сторону иди, конец один.

– Ох и страху ты понагнала, бабушка.

– Иди, охламон!

Бабка попыталась толкнуть Виктора в плечо. Затея ничем не увенчалась бы, тело у него крепкое и неподатливое, но, подыгрывая старушке, он словно под давлением прогнулся и, ухмыльнувшись, вновь предложил:

– Может, все же помогу?

– Иди, говорю, сама пока в силах. Пропадешь ведь.

Что оставалось делать? Виктор попрощался с травницей и пошел по дороге, точнее, рядом с ней, больно надо разъезжающиеся ноги ловить. Хворь отступала так, что только шишка зудела, а зудит – значит, на поправку дело пошло. Шагалось легко, если позабыть о том, что всякий раз приходилось выискивать травяной кустик погуще, все же на мокрую землю ступать не хотелось.

Примерно через час ходьбы, когда из тела окончательно выветрилась неуверенность движений, Виктор решил остановиться, чтобы посмотреть, как он вообще владеет собственным телом. Бред все это или не бред, но что-то он стал всерьез подумывать о том, не в реальности ли с ним все это происходит. Конечно, не верилось в такое, а с другой стороны, и разуверяться

не хотелось. Одно дело, читая очередную книжку, с головой проваливаться в происходящее на страницах, всматриваться и видеть между строк, всецело отдаваясь повествованию. Совсем иное – ни с того ни с сего обнаружить, что писанная кем-то фантазия воплотилась в реальности. Он и сам не знал, чего ему хочется. При мысли, что все это происходит на самом деле, его охватывало какое-то возбуждение, хотелось прыгать от нетерпения и жажды нового. А вот интересно, маги тут есть? А орки, гномы, эльфы? Но стоило немного поостыть, как услужливая память, которая существовала как бы независимо от него, словно посторонняя, подсказывала, что сказки почитывать, к тому же иноземные, – это, разумеется, хорошо, но во всем надо меру знать. Нету здесь ни гномов, ни великанов. Хотя легенды разные ходят, но он-то, чай, взрослый мужик, уж двадцать два лета землицу топчет.

Одним словом, по всему выходило, что оказался он в мире, который по времени близок к семнадцатому веку на Земле. Если быть точнее, это где-то конец земного семнадцатого века, так называемое допетровское время. Но лучше без таких аналогий. Как-то сразу неуютно начинаешь себя чувствовать. Что же это получается? Там, на Земле, или в параллельном мире, во время аварии из него выбило душу, как бабка сказала… Здесь то же самое произошло с Добролюбом… Вот только душа Виктора оказалась неуемной, а потому взяла и заняла опустевшее место. Бред. Ох и нравится ему это слово! Конечно же бред, иначе как объяснить тот факт, что он чувствует себя так, словно надел новую, необмятую одежду: она вроде впору, но чувствуешь себя в ней неудобно и неуютно. Память вроде доступна и информацию подбрасывает, но не отпускает ощущение, что она не его, а представляет собой информационный блок, которым он может беспрепятственно пользоваться. Потому она и действует с таким запозданием.

Все же множество прочитанных книг сделали свое дело. В конце концов Виктор просто принял сложившуюся ситуацию. Если это только наваждение, то и бог с ним, а если все в реальности, тогда нужно начинать о себе заботиться. Тут частным извозом на жизнь не заработать, тут даже почтовых станций нет, а о пассажирских перевозках и не слышали. О том, как обстоят дела за границей, Добролюб ничего не ведал, а вот у славен ничего подобного точно не было. Значит, нужно пробовать то, что имеем. Три копейки, конечно, чего-то да стоят, на них можно пару-тройку дней продержаться, но это не так чтобы и много, а скорее очень даже мало.

Услужливая память тут же подбросила информацию о том, что еще три дня назад у Добролюба имелось в кармане четыре полноценных рубля, а это больше гривны серебром. Прокутил все, зараза.

У него всегда так. С заработком проблем не было. Он мог и с завязанными глазами ножи метать, и с шарами такое вытворять, что люди в восхищении рты раскрывали, акробатом он тоже оказался знатным, не раз слышал вздохи, мол, этот скоморох и вовсе без костей. Случалось, и бороться выходил. Росту-то высокого и в плечах не узок, но смотрелся он скорее худощавым, поэтому никто не ожидал, что парень настолько жилист. Вот так вот выйдет против борца из скоморошьей ватаги, поборет его, а потом быстренько делает ноги. Ставки в таких представлениях всегда высокие, потому как борец просто так не выйдет – значит, уверен в себе. Так что за раз можно снять сразу рубля три. Вот только скоморохи – народ мстительный. Коли кто другой завалит, они смиряются, но коли иной скоморох одолеет, не сносить ему головы, потому как не смей хлеб у другого отбирать. Однако Добролюба это не останавливало, одиночка он и есть одиночка.

Раз так, то стоит посмотреть, что он умеет, а что нет. Не сказать что результаты Виктора сразу порадовали, скорее разочаровали: ножи никак не хотели быть послушными рукам, а руки – словно чужие. Ничего, такое уже случалось, прошагал полдня – и порядок, теперь на ногах держится совсем уверенно. Это как после «семерки» пересесть, к примеру, на иномарку: ездить-то умеешь, но за рулем чувствуешь себя неуверенно, а через пару часов глядишь – все наладилось. К концу дня уже и габариты машины чувствуешь, и вообще как будто все время водил именно это авто. Как видно, так и тут.

Два часа он потратил на метание ножей, и не сказать, что впустую. Угловатые движения постепенно сгладились, а в какой-то момент он вдруг ощутил, что уже не мажет: нож послушен его воле, а главное, руке; летит именно туда, куда направляет его владелец. Только сейчас Виктор вдруг ощутил, с какой любовью и мастерством изготовлена эта дюжина ножей. Приличная сталь, хоть и не булат, отличная балансировка. Вообще-то он лишь отдаленно представлял себе, какой должна быть балансировка, но Добролюб в этом разбирался хорошо. Клинок с рукоятью выкован одним целым, рукоять – без гарды, оплетена кожей; вообще оружие очень похоже на финку, только лезвие слегка расширяется от рукояти, а затем сужается, завершаясь острым наконечником, чем-то напоминающим древесный лист.

Насколько помнилось Виктору, а вернее, Добролюбу, поблизости не было ни одной деревни, ближайшая была именно в той стороне, куда ушла бабка и куда ему вроде как хода не было. Следующая должна была попасться только через двадцать верст, потому как жить рядом с болотами никому не в радость. Это поначалу воздух показался ему чистым: после загазованной городской атмосферы просто райские кущи. А вот пробыл здесь почти день и понял: дышать тяжеловато. Хоть и в малом количестве, но деньги у него были, во всяком случае, с голоду не помер бы, но как быть в лесу, где деньги бесполезны? Оно понятно, лес прокормит, но ведь сейчас весна. Можно было бы поискать разные корешки, но Добролюб не больно-то в этом разбирался, а Виктор и вовсе понятия не имел, с какого боку подходить к этому вопросу. Поохотиться? Хорошая мысль, но он может последние силы на это извести, а толку не добиться никакого.

В результате почесывания в затылке, поглаживания нестерпимо зудящей шишки, сморкания (хотя чего сморкаться-то, когда с носом полный порядок) и других бесполезных телодвижений, способствующих, как казалось, плодотворному мыслительному процессу, Виктор пришел к выводу, что ему следует немедленно выдвигаться и брать направление на ближайший населенный пункт. Идти, разумеется, надо в сторону, указанную бабушкой, почему-то верилось ей, хоть ты тресни. В свете принятого решения было жалко времени, бездарно потраченного на метание ножей. За это время он мог проделать от трети до половины пути до обетованных мест. В смысле мест обитаемых, где можно раздобыть еду. Потому как желудок начал несмело намекать, что от сыра и хлеба уже не осталось и следа, а стало быть, следует подзаправиться. Зато после тренировки им овладела какая-то уверенность в себе, и брести по лесу оказалось не так страшно.

Приладив четыре ножа за голенищами сапог, так как пока их было просто некуда больше деть, Виктор снова двинулся вдоль дороги. Было бы неплохо повстречать купеческий обоз, но, похоже, те сегодня уже не тронутся в путь – кому охота месить раскисшую дорожную грязь? А вот завтра – вполне возможно, солнышко припекает изрядно, прямо по-летнему, дорога вполне должна просохнуть. Как подсказывала память, доставшаяся от прежнего владельца тела, жизнь здесь вообще была неспешной. Разбег в недельный срок был делом заурядным, а если дорога совсем дальняя, тут уж и все две недели – вполне обычное явление.

Как и следовало ожидать, ночь застала Виктора в лесу. Он продолжал двигаться, пока мог хоть что-то разобрать, но, в очередной раз споткнувшись, в конце концов понял: получить лишние неприятности в виде растяжения или, чего доброго, перелома он может запросто, а вот сильно сократить путь навряд ли. Поэтому, слегка отойдя от дороги, в последнем сумеречном свете он облюбовал местечко, достаточное для разведения костерка, и принялся собирать хворост. С топливом проблем не было никаких. Купеческие караваны это место не облюбовали для стоянки, жилья поблизости нет, поэтому и дрова изводить некому.

Огниво и трут нашлись в суме, так что совсем скоро костерок запылал, устроив пляску веселых языков пламени. Виктор решил к ночлегу подойти основательно. Судя по тому, что с наступлением темноты сразу стало прохладно, ночь могла оказаться и вовсе холодной, на это же указывало и звездное небо, а у него не было даже плаща, только одна рубаха. Так что

замерзнуть он должен был основательно, а вот в том, что удастся выспаться, он очень сомневался.

Можно нагрести на золу землю и устроить теплое ложе, но тут было два «но». Во-первых, в его арсенале отсутствовала лопата, а провозиться с ножичком можно было очень долго. Во-вторых, не было никакого желания этим заниматься. Поэтому он пошел по пути наименьшего сопротивления: развел два костра, в которые вкатил два ствола поваленных деревьев, найденных неподалеку. У скомороха во вьюке имелся мешок из овчины, в котором было очень даже уютно. Несмотря на необходимость странствовать, устраивался он с относительными удобствами.

Не сказать, что ночь выдалась комфортной. Дважды Виктору приходилось просыпаться, чтобы продвинуть вперед прогоревшие стволы. Подстеленные в качестве лежанки срезанные ветки с листьями несколько предохранили от холодной земли, но бока он отлежал основательно. Так что едва забрезжил рассвет, Виктор был на ногах. Вроде и отдых вышел так себе, но лучше уж так, чем провести без сна сутки напролет.

Хотя горели два костра, он все же озяб, а потому решил совершить несколько движений, чтобы разогнать кровь. Полезное занятие. По телу разлилась истома, и все оно заныло от предвкушения удовольствия. Услужливая память подсказала, что Добролюб никогда не пренебрегал физическими упражнениями, многие из которых были направлены на растяжку.

Виктор решил тоже не пренебрегать разминкой и, опираясь на данные памяти прежнего владельца тела, приступил к занятиям. Он когда-то занимался рукопашным боем, а в последнее время поддерживал форму, тренируя ребят, да с Андреем порой устраивали спарринги, на которые мальчишки смотрели, раскрыв рты. А что, покрасоваться бывшие сослуживцы очень даже могли. Так вот, перспективы, открывшиеся с обретением этого тела, оказались просто потрясающими. Да, Виктор был рукопашником, но никогда не имел столь хорошей растяжки и пластики тела. Сейчас, выполняя упражнения, он отчего-то подумал, что при желании вполне сможет и в узел завязаться. Стоит ли удивляться, что парень с такой гибкостью и неожиданной силой был способен преподносить сюрпризы профессиональным борцам: поди для начала заломай такого, если он гнется, как ивовый прут.

Разогнав кровушку и окончательно согревшись, Виктор недовольно прислушался к раздавшемуся урчанию в животе. Надо бы подкрепиться, а нечем. Придется потерпеть до деревни, проохотиться он мог и целый день. Ну да об этом уже говорилось. Поэтому, тяжко вздохнув, он вновь приблизился к дороге и пошел теперь уже по ней, все же за день и ночь она изрядно просохла, чему способствовал и легкий ветерок. На открытой местности она уже вообще сухая, а здесь – все еще влажная, но грязь к ногам уже не липнет и не скользко. Есть, конечно, лужицы в образовавшихся ямках, но их легко обойти, так что никаких проблем.

Идти стало не в пример легче, чем раньше по мягкой обочине. Сейчас он без труда выдавал километра четыре в час, а то и все пять. Хотя, пожалуй, он погорячился, но в любом случае часа через три, максимум четыре будет в деревне и сможет наконец поесть. Благо и уговаривать никого не придется, в придорожных селениях всегда найдется харчевня, а как иначе.

Во время зарядки Виктор обнаружил у себя на груди крест. Поначалу он даже удивился, как это он раньше не заметил нитку, но потом сообразил, что если Добролюб никогда не снимал крест, то скорее ощутил бы его отсутствие, а не наличие. Крестик медный, вот только не такой, к какому привык Виктор. Вчера, поговорив с бабушкой-травницей, он отчего-то решил, что здесь исповедуется христианство, может, чем-то отличающееся от земного, но в целом такое же. Вернее, он даже не придал этому особого значения, лишь отметив тот факт, что крестильное имя можно доверять только избранным. А вот этот медный крестик заставил задуматься над этим вопросом уже всерьез. Крест был косой, эдакая буква «Х», на верхних концах – два ушка, сквозь которые продета нить. Вспомнилось о том, что крестятся здесь, обозначая крест в районе груди. Что удивительно, славены крестились справа налево, а иноземцы – слева

направо. В Сальджукской империи вера была примерно такой же, как в славенских княжествах. Оттуда, собственно, вера и пришла в эти земли. Сальджукская империя являла собой некий аналог Византийской империи на Земле. Кстати, славены так и называли себя православными, а другие христиане именовали себя каталонами. А вот аналога мусульманам не было. То ли время еще не пришло, то ли еще какая причина. Были язычники, которые поклонялись духам, они обитали южнее славен, вели кочевой образ жизни и образовали два ханства, Айрынское и Туньгунское. Слышал Добролюб и о заморских землях за Восточным океаном, где также проживали кочевники-язычники. Может, еще и возникнет мусульманская культура или аналог ее наряду с христианскими. За Западным океаном лежали огромные земли Нового Света. Поговаривают, они побольше Старого и населены уж и вовсе дикарями, коим каталоны несут свет истинной веры, понятно, что огнем и мечом.

Виктор вдруг остановился и присел, опершись спиной о дерево. До него наконец окончательно дошло: это никакой не бред, а самая что ни на есть реальность. Как это произошло, как такое вообще возможно, он не понимал, но вот было, и все тут. Понял он и то, что в той, прошлой жизни он, скорее всего, погиб, больно серьезный вышел удар. Оставалось непонятным, как он сумел реанимировать это тело: ведь со слов бабушки выходило, что душу из тела вышибло… Да что тут думать, один черт – ответ не найдешь. Но как такое возможно? И что же теперь делать с его привычной жизнью? Одним словом, он просто впал в ступор и, сидя у дерева, смотрел бессмысленным взглядом в какую-то точку в пространстве, которую и сам не видел. И никаких мыслей. Вообще никаких. Словно кто-то повернул выключатель.

Спроси Виктора, сколько он так просидел, он бы не нашелся с ответом. Хотя, взглянув по сторонам и прикинув положение светила, определил, что прошло, пожалуй, не меньше четырех часов. Впрочем, это смотря как измерять время. Если по состоянию желудка, недовольно урчащего и непременно требующего внимания, – минула целая вечность. Все же Добролюб был хорошим скоморохом, с заработками и пропитанием проблем не возникало. Может, не всегда разносолами угощался, но завтракал и ужинал уж точно сытно. Так что такому поведению организма удивляться не стоило. Собственно, его непотребное поведение и привело Волкова в себя. Как там сложится жизнь, неизвестно, но позаботиться о хлебе насущном нужно уже сейчас. Можно, конечно, и в петлю, но, как ни странно, сводить счеты с жизнью желания не возникало.

Как только он вернулся в реальность и сумел собрать мысли в кучу, то решил двигаться дальше. В конце концов, проблемы нужно решать по мере их поступления. Например, сейчас, дабы не протянуть ноги, необходимо подкрепиться. Затем следует начать восстанавливать навыки и двигаться к ближайшему городу. А можно и в селе дать представление, благо оно не очень маленькое, как следует из воспоминаний Добролюба. Народ возле дороги позажиточней, а зрелищами не очень избалован.

Пройдя сотню шагов, Виктор вдруг услышал треск выстрелов, он смог различить порядка шести. После этого раздалось болезненное ржание лошади и стали доноситься крики. Очевидно, совсем неподалеку развернулась смертельная схватка. Есть в этом мире что-то неизменное. Пусть проходят века, но звуки рукопашной, когда сходятся не на жизнь, а на смерть, остаются прежними, их ни с чем не перепутаешь. Виктору доводилось и слышать подобное со стороны, и самому участвовать.

Как быть? Обойти сторонкой, пока его никто не видит, или вмешаться? Благоразумие победило. До места схватки было метров сто, а лес оказался достаточно густым, чтобы оставаться вне поля зрения и самому ничего не видеть. Взяв в руки ножи, дабы при необходимости ими воспользоваться, Волков сошел с дороги. Даже если чуть поодаль действительно стоит болото, он все равно спокойно обойдет сражающихся по небольшой дуге.

Вскоре звуки рукопашной стихли. Кто бы там ни победил, все уже закончилось. По закону жанра, сейчас идет сбор трофеев. Оно и к лучшему. Если победили нападавшие, то сей-

час будут потрошить купеческие повозки, в лесу им делать нечего. Значит, у Виктора есть шанс проскользнуть незамеченным. Не направятся же они в сторону болота, скорее всего, наоборот, пойдут по дороге, чтобы как можно быстрее выйти из теснины. Смущало то обстоятельство, что пойти они могли как раз в том направлении, куда двигался сам Виктор, потому как именно там можно быстрее выйти на открытое пространство. Ну не то чтобы совсем открытое, но зато болото уже останется лишь с одной стороны, все больше места для маневра. Но идти им все равно придется по дороге, по лесу повозку никак не протащить.

Хм… А если повозки нет? А ее как раз и не было. Откуда он это узнал? А все просто. Когда Виктор уже решил, что вот-вот обойдет место драки, и был уверен, что ему удастся опередить тех, кто на дороге, он вдруг услышал голоса и треск ломаемых веток. Лиходеи (а кто же еще? Честным людям в лес ломиться нет надобности, для них дорога проложена) перли напролом. Очевидно, двигались они прямиком к болоту, это их ничуть не смущало. Стало быть, знали проход через топь. От греха подальше Волков присел за густым кустом и взял в руки ножи. Едва он это сделал, как послышался голос одного из лихих:

– Атаман, погоди.

– Чего ты там?

– Да аспид энтот вроде как развязаться хочет.

– Ишь чего удумал, а ну-кась давай его наземь.

Двое из шестерых лиходеев быстро распустили путы на ногах высокого и крепкого мужика в богатом кафтане и опустили его с коня на землю. Не сказать что ватажники отличались убогостью одежды или что-то иное в их облике указывало на то, что они пробавляются лихим промыслом, поэтому трудно было понять, кто они. С одной стороны, честному человеку незачем сходить с дороги и двигаться в сторону топи. С другой – могло иметь место банальное сведение счетов, а вот тут есть шанс нечаянно оказаться меж двух огней. Лучше не надо. Нужно быть сумасшедшим, чтобы в одиночку, будучи вооруженным лишь дюжиной ножей, выходить против шестерых. Да даже с калашом в руках следует крепко подумать и прикинуть свои способности. А потом, это дело его никоим образом не касалось.

Виктор упорно решил отсидеться в кустах. Он затаился и даже дышал через раз. Нет, какая-то там рыцарская натура вякнула, мол, надо бы помочь, но ее голосок был тоненьким и едва различимым, а потому Виктор сделал вид, что ничего не услышал. Он что, больной на всю голову? Вот так тишком он и продолжал наблюдать за происходящим. В паре десятков шагов от него находились семеро мужчин, один из которых был связан, да две лошадки.

– Точно, еще чуть – и развязался бы. Вторуша, ты что же, вязать разучился?

– Да как всегда вязал, не должен бы, атаман.

– Вторуша тут ни при чем, атаман. Энтот тип больно ловок – ишь палец вон выпростал из-под пут, это ж какая боль, а он тишком.

– А ведь и верно.

– Можа, кончим его да труп доставим?

– А кому этот труп нужен? – вопросом на вопрос ответил атаман. – Барон Берзиньш сказал, что заплатит только за живого. А вот если, допустим, у него будут увечные ноги, а сам он живехонек, думаю, беды не случится.

– А я так думаю, незачем ноги калечить, для барона нужно тоже чего-то там оставить, чай, не на пироги зазывает. Сейчас перевяжу по новой, и порядок. Да только помаемся мы с ним еще.

– А ты следи давай как положено. Слышь, воевода, не зли нас лучше, не то ить куском мяса довезем, но дышать еще будешь. Вы-то все бояре, как-нибудь сговоритесь промеж собой, а наше дело маленькое: спеленать тебя да к барону доставить.

– Секач, ты бы отпустил меня. Не ровен час, выживу, ведь тогда тебе не жить. Ни тебе, ни твоей ватаге.

– То пустое, воевода. Сколько ты за мной бегаешь, а толку-то?

– Пока ты купцов потрошишь, за тобой людишки из Разбойного приказа бегают, а как на воеводу руку поднял… Сам подумай. Не успокоюсь, пока все до единого на плаху не пойдете.

– Ты сначала от барона возвернись. А то, можа, и не вернешься… Тогда кто узнает, кто в твоей гибели повинен?

– Так сам сказывал: бояре с боярами сговорятся. А ну как уговоримся о цене?

– А так, стало быть, смерть людишек своих ты мне простишь? Вот то-то и оно, что даже в обман ты такого сказать не можешь, потому как на кресте людям клялся. Хоть это и боевые холопы были, не простишь ты меня. А что до судьбы моей, нешто ты думаешь, я не ведаю о том, что конец один будет? Да вот пока он придет, я успею и поесть, и попить всласть.

Картина была ясна как белый день. Ватага лихих, выполняя заказ какого-то иноземного барона, напала на брячиславского воеводу, который, скорее всего, путешествовал в малой компании. Теперь его намеревались передать гульдскому барону, если судить по имени. Разумеется, за вознаграждение. Чем же так раззадорил извечных врагов воевода, что барон не погнушался воспользоваться услугами разбойничков? Не суть. Это Волкова не касается. Жалко, конечно, мужика, но, с другой стороны, может, он куда больший злодей и, к примеру, перебил толпу родственников того барона и тот сейчас в своем праве.

Но отсидеться в кустах ему не удалось. Будь здесь разбойнички из иноземцев, ничего не случилось бы. Не заморачивались они насчет отправления надобностей: где приспичило, там и выпростал свой отросток да окропил землицу; если что посерьезнее, может, сделает пару шагов в сторонку, но не так чтобы далеко. Иное дело – славены. Те оправляться прилюдно не могли, им по меньшей мере нужно хотя бы обозначить, что они проделывают свое дело в стороне, а еще лучше – прикрываясь хоть худосочными кустиками, а потому хотя бы на десяток шагов, но отойдут. Вот и этот гад отошел, да прямо к кусту, где засел Волков.

– Кто тут?!

А ничего, сволочь, ловок. В одно мгновение в руке оказался пистоль. Пока ствол на куст навелся, уже и курок оказался взведен. Вот-вот выстрелит… А оно нужно? Да ну его!

– Ты сдуру-то не пальни, – поспешно подал голос Виктор, поднимая руки как можно выше, чтобы все видели: нет в них оружия. То, что промеж пальцев с тыльной стороны по ножу пристроено, им видеть без надобности.

– Что там, Млад?

– Мужик какой-тость, атаман.

– Мужик, говоришь?

Атаман отступил немного в сторону, чтобы Млад не загораживал вид, и внимательно посмотрел на стоящего с задранными руками незнакомца. Ага, оружие есть, но можно ли назвать это оружием?.. На поясе висел нож в ножнах да наверняка еще и засапожник есть, так то и не оружие вроде, а вещь в обиходе очень даже нужная. Мужчине без ножа нельзя: как только мальцу десяток годков исполняется, ему тут же ножичек дарят, чтобы и хлебца мог подрезать, и вообще. Да и засапожником никого не удивишь. А так – оружия нет.

– Кто таков? – продолжал допрос атаман.

Он даже не думал приближаться, но Млад, зараза, по-прежнему держал Виктора под прицелом. Еще двое двинулись по сторонам, но хоть за пистоли и пищали не хватаются, и то ладно.

– Скоморох я. Вот иду до Звонграда.

– Скоморох, говоришь. А чем пробавляешься?

– Так тело скручиваю как ни попадя да шары разноцветные вверх бросаю, могу и борцом быть.

– Ладно, пустое то. Не вовремя ты нам повстречался. Не обессудь. – И атаман кивнул подчиненному. – Млад.

Виктор вдруг почувствовал, что сейчас его будут убивать. И вовсе не из злобы какой и не за дело, а так, походя. Ну не там он оказался. Видать, атаман даже мысли не допускал, что гульдовский барон выпустит боярина живым, а потому лишние свидетели ему были без надобности. Может, и прав был воевода, когда предупреждал, что за гибель служивого великий князь всех на уши поставит и семь шкур с виновных спустит. А вот у Виктора выбора не осталось. Или пан, или пропал. Да чтоб вам, падлы! Ведь никого не трогал! Господи помоги, их ведь шестеро! Была не была, хуже точно не будет: Млад того и гляди на спуск нажмет.

– Не губи!!! – возопил скоморох.

Одновременно с этим он взмахнул руками и согнулся в земном поклоне. Могло показаться, будто скоморох бьет челом, умоляя о пощаде. Скорее всего, именно так лиходеи и решили, потому как невозможно иначе объяснить бездействие всей банды в первые мгновения. А вот Млад и атаман ни на секунду не усомнились в намерениях скомороха, но сказать они ничего не успели. Обоим достались ножи, пущенные умелой рукой. Млад, будучи поближе, уверенно получил нож в горло. Стоящий подальше атаман схлопотал свой гостинец в грудь и, судорожно скребя ее, завалился на бок.

Нельзя сказать, что тати долго пребывали в растерянности. Виктор все еще находился в согнутом положении, когда его взял на прицел тот, что заходил справа, а потому первый нож, извлеченный из-за голенища, полетел именно в него. Господи, как же все-таки хорошо, что он попал в тело именно скомороха! А еще лучше, что скоморох этот оказался не просто актером веселого жанра, а гимнастом и метателем ножей. Четвертый нож он метнул, уже подпрыгивая и уходя в перекат через голову, отчего-то не сомневаясь, что и третий клинок нашел свою цель. Выстрел раздался совершенно неожиданно, и пуля противно вжикнула рядом, чуть не задев его. Дым на какое-то время обволок стрелявшего. К сожалению, им оказался тот, кто получил последний из ножей, имевшихся под рукой, остальные клинки все еще оставались в суме. Случись иначе, и на пару мгновений он бы выпал из поля зрения одного из двоих татей, остававшихся в живых. Не судьба.

Второй выстрел раздался, когда Виктор, уже вскочив и выхватив нож из ножен, вплотную приблизился к пятому. Тот, в отличие от остальных, за огнестрел не хватался, а выхватил кинжал. Наверное, после нападения на воеводу так и не удосужился перезарядиться или рассудил, что изготовить неуклюжий мушкет к бою не успеет, а пистоль и вовсе за поясом. На этот раз никакого пугающего вжика: пуля ожгла предплечье, да так больно, что Виктор едва не завертелся волчком. Но сдержался и словно пачку озверина съел: выпад он отбил с легкостью атакующего носорога, хотя бандит был здоровенным детиной. Как видно, такая легкость сильно напугала лихоимца, но это был последний испуг в его жизни. В следующее мгновение Виктор словно обнял своего противника, обвившись вокруг его торса, а уже через секунду двигался к последнему, оставив за собой тело, дергающееся и извергающее потоки крови из разверстой глотки.

Пытать судьбу и выяснять, кто из них лучший боец, Виктор не стал: просто метнул нож, вогнав его в грудь последнего бандита. Расправившись с теми, кто возжелал его крови, Волков замер посреди поляны. Можно удивляться той ловкости, с которой он действовал только что, но он всего лишь использовал возможности нового тела. Очевидно, скоморох в свое время не был чужд рукопашным сшибкам, в том числе и смертельным, а потому тело двигалось легко и уверенно. Гибкость и быстрая реакция позволили применить кое-что из арсенала самого Волкова. Житель двадцать первого земного века хладнокровно бился в этой схватке и сейчас спокойно взирал на дело рук своих. Что ж, в прежней жизни ему и убивать приходилось, и в рукопашной сходиться, когда смотришь в глаза человеку, у которого должен забрать жизнь, и в его глазах не видишь ничего, кроме ненависти и жажды убийства. Тот, кто через такое прошел и не съехал с катушек, очень быстро черствеет, а иначе никак.

Позже память подсказала, что и Добролюбу за время кочевничества приходилось не раз и не два отстаивать собственную жизнь. Довелось поучаствовать и в бою, когда на купеческий караван, к которому он примкнул, напали солдаты. То была банда наемников, ушедших со службы из-за невыплаты жалованья: чтобы компенсировать свои потери, они решили пограбить купцов. Разумеется, это было у иноземцев, во Фрязии. Славены тоже не брезговали наемниками, вот только князья никогда не задерживали плату. А уж о том, чтобы накапливать долг не за один месяц, и речи не могло быть. Впрочем, это отнюдь не говорило о том, что в славенских землях не водилось лихих людишек. Так вот, тогда Добролюб участвовал в настоящем сражении: нападавших было не меньше тридцати, а в караване купца насчитывалось едва ли два десятка. Но отбились. Наемники слишком понадеялись на свой боевой опыт, даже не предполагая, что купчишка и его люди смогут оказать сопротивление. Эта самоуверенность и беспечность стоила им жизни. Добролюб тогда свалил четверых и сумел хорошо пристроить оружие, взятое у них, в том же караване. Сдай он трофеи другому торговцу – получил бы значительно меньше, но купец в благодарность не стал обирать его.

– Эй, парень! Скоморох, – послышался голос боярина. – И долго ты собираешься изображать из себя соляной столб?

– А… Ну да. Сейчас.

Он извлек из тела последнего татя свой нож и, отерев лезвие, разрезал путы, стягивающие воеводу. После этого по его просьбе ухватил за большой палец и с силой дернул, вырывая у боярина болезненный стон и высекая слезу.

– Что ж так-то, воевода? Чай, когда палец выпрастывал, не стонал.

– То другое дело. Там никак показывать было нельзя, а сейчас вроде как можно. Опять же выпростать было не так больно, как на место поставить. Спасибо.

– Чего уж. Пользуйся.

Покончив с помощью боярину, вспомнил и о себе любимом. Как выяснилось, рана не опасная. Да это и не рана вовсе, а так, царапина: солидная, ничего не скажешь, от такого калибра малым и не отделаешься, но все же ничего серьезного. Кровь все еще текла, но не сильно. Оторвав лоскут от рубахи одного из нападавших, он быстро соорудил повязку. Пока и так сойдет, а как только доберутся до деревни, там и обиходят. Есть в поселении знахарь или знахарка, неважно. В любом доме найдутся и травы, и настойки, и мази, как же без этого.

Покончив с этим, он поднялся и пошел в обход места недавней стычки. Нужно было собрать ножи. Как там оно будет с трофеями, бог весть. Скорее всего, большая часть оружия у бандитов – со спутников воеводы. Эвон как упакованы, у каждого – огненный бой да не по одному стволу. Атаман что-то там вещал про побитых то ли солдат, то ли боевых холопов. Но то, что у татей в карманах, точно принадлежит скомороху по праву. В принципе и все остальное тоже, но кто знает, как поведет себя воевода. Виктору повезло. Едва оказавшись в этом мире, он с ходу оказал помощь влиятельному человеку и не хотел ничем вызывать его неудовольствие.

Боярин, пристроившись на пенечке, разминал кисти, уделяя особое внимание вправленному пальцу, а именно – бережно его массируя. Хотя чего его трогать? Надо тугую повязку наложить и покой предоставить. В этом деле скоморох был докой, как-никак с травмами имел дело постоянно. Ну да вот сейчас покончит с трофеями, тогда и займется болящим, а пока пусть дурью мается.

Сам себе поражаясь, Виктор спокойно обыскал трупы и собрал все ценное, включая оружие. Всего набралось шесть мушкетов, восемь пистолей, несколько клинков, от сабель до кинжалов, одиннадцать рублей деньгами. Деньги, скорее всего, у боярина изъяли. Ну, может, что-то было у его людей и у самих бандитов, но основное – его, больно уж сумма велика. Эдак для сравнения: стрельцы в год получали жалованья четыре рубля. Откуда Виктор это знал? Хорошо все-таки, когда есть такой проводник, как память Добролюба, канувшего в Лету. Сумма солид-

ная, и деньги лишними никогда не будут, но поди потаскай столько, ведь больше семисот грамм серебра.

Но самое главное приобретение просто поразило. Взъерепенься воевода и возжелай забрать все, Виктор отдал бы не задумываясь, а вот с этим нипочем не расстался бы, даже если бы ему пришлось сделать работу вместо гульдского барона.

Это был самый настоящий револьвер. Виктор даже не подозревал, что такие вообще могут быть. Нет, про многоствольные ружья он слышал. Да и кто не смотрел фильм «Желтая роза», где главный герой носится с пистолетом, у которого едва ли не дюжина стволов? Но в кино это не выглядело настоящим: просто нужно было герою стрелять по-ковбойски, ему и придумали тот пистоль. Виктор вообще всегда считал, что подобное оружие начали делать только с появлением капсюлей. Оказывается, все возможно. Виктор пораженно осматривал находку.

Пистолет формой напоминал одновременно первые револьверы и обычный кремневый пистолет, разве что ручка была не просто скругленной, но имела еще пяточку. Вообще рукоять сидела в ладони как влитая. Барабан заряжался, как и первые кольты, со стороны ствола: засыпаешь порох, вдавливаешь пулю. Судя по несколько большему диаметру отверстия на конце и по движению самого барабана немного вперед при взведении курка, тот для большей герметичности насаживался на ствол. Рамки как таковой не было, была только верхняя планка, поэтому конструкция Виктору показалась незавершенной. Такое оружие в боевой обстановке может подвести: либо погнуться, либо обломиться. Ненадежное, одним словом. Но это не смертельно, так как данный изъян можно исправить. Задняя часть барабана была неподвижной, наверху справа имелась затравочная полка, откуда тянулся канал к барабану, чтобы воспламенить заряд. К планке, которая проходила от рукояти и тянулась на протяжении всего ствола, прикреплено кресало. Но опять-таки необычное, так как оно представляло собой одновременно и емкость, в которую засыпался порох. По всему выходило, что, когда кресало ставили на место, проворачивая на оси, оно не просто закрывало собой затравочную полку, но и самостоятельно подавало на нее порох, оставалось взвести курок и нажать на спуск. Курок бьет зажатым в нем кремнем по кресалу, высекает искру, при этом отбрасывая кресало вперед, затравочный порох воспламеняется, и происходит выстрел. После этого курок взводится в среднее положение, которое вместе с тем является и предохранительным, барабан проворачивается, устанавливая напротив ствола заряженную камеру; при дальнейшем взведении барабан слегка подается вперед, насаживаясь на ствол. Можно сразу полностью произвести взвод, механика вполне позволяла. Кресало на место – и все, оружие снова готово к стрельбе. И таких револьверов у атамана было два.

– А ты, как я погляжу, в оружии знаешь толк. Эвон как вцепился.

– Есть немного.

– Стало быть, возвернуть мне его не восхочешь.

– Твое, воевода?

– Мое. Не смотри на меня так. Сразу видно, что скоморох, а не воин, – закона не ведаешь. Кабы я мертв был али кто из моих холопов жив остался, тогда как есть все твое, а поскольку я жив, то могу свое откупить за четверть цены.

– Серебро, выходит, тоже должен тебе возвернуть?

– Пустое, то твое. А вот воинскую справу да коней как есть выкуплю. Да не журись ты, никто тебя обманывать не собирается. Ты ить жизнь мне спас, что ж я жабе своей распоясаться позволю? Как есть все по правде будет.

– Так-таки и жизнь. Сам ведь сказывал, что с бароном смог бы договориться.

– Это я им сказывал. Чай, слышал о том, что у нас с гульдами недавно заваруха случилась?

– Так они у нас почитай каждый год случаются.

– Вот и намылил я холку одному отряду, а в том отряде сынок единственный барона Берзиньша… тьфу ты, язык сломишь, голову сложил. Как прознал про это барон, так пеной изошел. Вот и выходит, что не сговорились бы. Удавил бы он меня, медленно и собственными руками.

– Воевода, я вот гляжу, кони-то не простые. Боевые кони. Опять же справа на них не дешевая, как видно, о людишках своих большую заботу проявляешь. Твой конь – и вовсе загляденье, так что наверняка все это потянет рубликов на четыреста, да плюс эти пистоли – один рублей семьдесят будет стоить. – Виктор не знал местных реалий, но вот Добролюб знал, хотя что касается снаряжения, то мог оценить только холодное оружие. Но тут ему пришлось удостовериться в том, что никто его надувать не собирается.

– Ну насчет коней и справы ты немного загнул. Один – рублей на шестьдесят, мой – на сотню потянет, справы разной – рубликов на шестьдесят. Оружие: три мушкета по десять рубликов, четыре пистоля по семь, клинки на сотню рублей. Округляем, получается триста восемьдесят рубликов.

– Ну не больно-то и ошибся, – разочарованно буркнул Виктор.

– А вот по пистолям тем ты вовсе не прав, потому как цена одному – сотня рублей. Очень дорогое оружие.

– Дак мне без разницы. Это выходит, если ты за все это добро должен будешь отдать даже четверть, то обойдется оно тебе в сто пятьдесят рублей. А если оставишь один пистоль, то мы в полном расчете. – Мелькнула было мысль приголубить воеводу. Опять же пистоль заряженный в руках вертел, поди потом разберись, что да как тут произошло…

Но мысль мелькнула и погасла. Он только появился в этом мире, и все вроде складывается так, что устраиваться ему тут нужно на всю оставшуюся жизнь. Если нет, если его все же перенесет обратно, то худа от того не будет, а сидеть и ждать у моря погоды, гадая, как оно дальше сложится, глупо. Столь же глупо разбрасываться такими вот знакомцами, кои тебе жизнью обязаны. Хорошие пистоли, для нынешнего уровня – вообще запредельные, но лучше с ними расстаться. Как оно там сложится, бог весть, может, и наплюет на спасителя, а может, и пригодится когда. Лучше не обострять.

– Эвон как тебя пистоли зацепили. Нет, скоморох, эти пистоли парой ходят.

– Забирай, воевода. – Волков, кивнув своим помыслам, протянул пистоли владельцу. А что еще оставалось. Ну не кончать же боярина в самом-то деле.

– Да не заберу, а выкуплю, только до Звонграда доедем, там подворье мое.

– Так ты вроде в другую сторону ехал?

– А ты почем знаешь?

– Дак если бы в град, то меня обогнать должен был бы, – пожал плечами Виктор.

– И то верно. Как видишь, скоморох, мне теперича одному лучше не ездить. Сподобил же Отец Небесный нажить такого ворога, хоть самому его на тот свет спроваживай. А ты чем именно на хлеб-то зарабатываешь?

– Ножи метаю, об остальном сказывал.

– Эвон как. Не повезло Секачу, не на того нарвался, думал, просто скоморошья душа, а на поверку… Знать, боец в тебе сидит, злой и мудреный.

– Не боец я, воевода, а человек прохожий, обшит кожей. Мне уж и жизнь неприкаянная скоморошья опостылела, думаю, где осесть.

– Ага, есть у меня один знакомец, тот тоже все кряхтит и жалуется, мол, пора на покой, а сам, как только драчка, встопорщит загривок, словно вепрь лютый, и пошел рвать всех подряд. Я это к тому, что кем бы ты ни рядился, от сути своей не уйдешь. А по сути ты воин, ведь мало знатно метать ножички, нужно еще и характер иметь, чтобы сотворить то, что ты сотворил.

– Нету у меня желания воинской стезей идти.

– Что же тогда в пистоли вцепился?

– А понравились они мне.

– Вот-вот, и я о том.

В воздухе повисло неловкое молчание. Виктор не знал, о чем говорить. Воевода же, как видно, вспомнил: мало того что он на службе государевой, так еще и боярин, а ведет разговоры с простолюдином так, словно тот ветеран заслуженный или доверенное лицо. Не пристало подобное поведение боярину, а вернее, все еще бояричу – хвала Отцу Небесному, батюшка в здравии и все еще крепок, как вековой дуб. Вот бы еще столько же прожил. Уж больно Градимиру нравилось состоять в служилом сословии, тут не заскучаешь, а как батюшки не станет, то ему наследство принимать, тогда уж о службе можно позабыть. Точнее, служить-то – это завсегда пожалуйста, но только не водить полки, потому как ты в первую голову за землю ответчик, а кому войска водить, найдется и без тебя. А ведь пока рос, был совсем иным, всегда за слабых вступался, старался всех примирить и рассудить, потому как крепко помнил наставление дедушки: «Худой мир лучше доброй ссоры». Потому и прозвали его Градимиром. А вот вырос и поди ж ты – все ему боевые походы подавай да поле ратное.

Пока молчали, скоморох оторвал еще лоскут и наложил тугую повязку на кисть воеводы, ловко так наложил, словно заправский лекарь. Тянущая боль, поселившаяся в руке, сразу поутихла. Вот и ладушки. Градимир хотел уже предложить выдвинуться в путь, когда в тишине, нарушаемой только веселым щебетом птиц, раздалось громкое урчание в животе скомороха. Ага, не боец, стало быть. Другой бы на его месте, может, и не столбенел, но уж о еде точно не думал бы, потому как боевой задор думы о пище отбивает напрочь. Чтобы о том помнить, нужно иметь особый склад, а этот тут же направился проверять сумы на предмет съестных припасов.

Глава 3
Смолины

Боярский род Смолиных издревле проживал в Звонграде. Граду насчитывалась не одна сотня лет, и прозван так он был за малиновый звон колоколов на звонницах. Еще в стародавние времена, когда вера православная только-только пускала корни на славенских землях, именно здесь был возведен первый собор, а не в столице, где тому противились служители древних и отринутых ныне богов. За свою долгую историю град не раз переживал взлеты и падения. Были дни, когда он соперничал по богатству, количеству населения и силе дружины со стольным градом Брячиславлем, а случалось, что от его населения оставалось не больше сотни человек, ютящихся в землянках. Град был трижды сожжен дотла и вновь возрождался, словно легендарная птица, становясь еще краше. Неизменным оставалось только одно: и в радостях, и в горестях с жителями града был род Смолиных. Одна из войн унесла почти весь боярский род, уцелел только боярич-младенец. Больно кочевники осерчали и на Звонград, и на самих Смолиных, кои город стерегли. В ту осаду от жителей, считай, никого и не осталось, все Смолины на стенах крепостных смерть приняли, последним пал глава рода, Горислав. Не повезло витязю: лишенным сознания взяли в полон. Лютой казнью за стойкое сопротивление казнили, да только долг он свой исполнил до конца, сумел задержать орду и дал время великому князю собрать войско, дабы тот достойно встретил супостата. Младенца, последнего из рода, спасла няня. Спасла, а сама рассудок утратила, так как в господском тереме заживо сгорел ее единственный сын, другого Отец Небесный не дал. От того мальца род Смолиных вновь развился в крепкое древо, и снова судьба его была накрепко увязана со Звонградом.

Вот к этому роду и принадлежал Градимир, которого Виктору посчастливилось вырвать из рук разбойников. Видит бог, сам он об этом и не помышлял, но так уж сложилось. К удивлению Волкова, боярич оказался не кичлив. Он уже не первый год нес службу. Каким ему только воеводой ни приходилось числиться: был он и осадным – это, считай, комендант пограничной крепости; и сходным – это уже скорее разведывательный отряд; и посыльным – это как командир отдельной части с особым заданием… Одним словом, в этих воеводах голову сломишь. Так вот, за время службы он научился ценить человека, но не его положение.

Так уж вышло, что Виктор сумел себя показать в выгодном для себя свете. Те шестеро без урона сумели взять самого Градимира да убить двоих его боевых холопов. Ребятки были не промах, по полтора десятка лет лямку тянули и опыт имели весьма богатый, а этот один, не запыхавшись, порешил всю ватагу. Понятно, что воеводу взяли из тщательно подготовленной засады, но это объясняет, как его смогли прибрать, и ничуть не объясняет, как сумел отличиться скоморох. Боярич далеко не был уверен, что, выйди он один против той шестерки, смог бы одолеть татей. Нет, если бы в рубке мечами, то очень даже может быть, вот только все они при себе имели огненный бой. К тому же стреляли в скомороха дважды, а это уже совсем иная песня.

Звонград произвел на Виктора двоякое впечатление. Все ему было привычно и знакомо, так как Добролюбу за годы кочевой жизни случалось подолгу бывать и здесь, но вот Виктор оказался тут впервые и во все глаза рассматривал город. К тому же он ощущал себя так, будто попал в прошлое. Он уже полностью уверился, что это другой мир, но улицы и вся окружающая обстановка очень напоминали Россию прежних веков. Град практически полностью был деревянным, хотя стены частично возведены из камня. Тут, наверное, строительство велось по мере появления в городской казне достаточных средств, деревянные-то стены возводить не в пример быстрее, и стоили они на порядок дешевле. К примеру, приграничную деревянную крепость со всеми постройками местные мастера могли возвести за неполный месяц, и это с

учетом того, что нужно лес повалить да каждый ствол ошкурить. Виктор сильно сомневался, что его современники смогли бы работать так же споро, даже с использованием механизмов.

У них в городе на территории больницы начали возводить церковь, но не простую, а бревенчатый сруб. Заказывается такой сруб в регионе, где развита деревообратывающая отрасль. Проект полностью подготавливают, а потом согласно документации доставляют все комплектующие; заказчику остается только сложить этот своеобразный конструктор в одно целое. Так вот, ту церквушку собирали больше двух месяцев, и на момент, когда с Виктором случилось несчастье, еще не закончили. Здесь такую церковь сложили бы за день. Скажете, все зависит от количества рабочих? Допустим. Но ведь у местных работяг нет никаких специализированных инструментов и механизмов, все вручную, порой при помощи одного топора. Безусловно, развитие и цивилизация – это хорошо и даже прекрасно, вот только лень она и в Африке лень, и в параллельном мире.

Представленный мысленно город очень уж напомнил Виктору Москву. Впрочем, такую планировку сейчас имели практически все города. В центре располагался кремль, последний рубеж обороны города и его цитадель. Там сосредоточены арсенал и постоянный гарнизон, а также все приказы, присутственные места и палаты городового воеводы, где собиралась городская дума. В этот орган городской власти, кроме глав всех боярских родов, входили: представители простого сословия, по одному от каждой слободы, и представители купеческого сословия, по одному от каждой гильдии, коих было три. Купечество вообще играло здесь важную роль, поскольку город располагался на большом торговом тракте. Основные улицы, словно спицы колеса, тянулись к ступице, кремлю, поперечные образовывали кольца. Вот так вот незатейливо. Сам Виктор был из провинции, в Москву приезжал лишь однажды, поэтому такой столичной достопримечательности, как автомобильная пробка, ему увидеть не довелось, но о том, разумеется, много слышал. Говаривали, основной причиной этих пробок была неудачная, на манер этой, планировка улиц, доставшаяся от давних времен. Может, и не так, про то он точно сказать не мог, но отчего-то подумалось именно об этом.

На центральной площади возле кремля располагался основной источник достатка города – рынок. Глядя на него, Виктор вдруг почувствовал, что на него дохнуло чем-то родным. Вот стоят рядами лавки, ну прямо один в один контейнерный рынок из его мира. Откинутые козырьки, которые в непогоду используются как навесы, а во время торговли – как прилавок, к которому подходят покупатели и рассматривают выложенный товар. Некоторые образцы висят на специальных крючьях или натянутых бечевках. Но схожесть с современными российскими рынками тем и ограничивалась.

Все постройки были бревенчатые. Люди, расхаживающие по проходам (а считай, по улицам), одеты в совершенно непривычные одежды. Вот, казалось бы, особого разнообразия нет: кафтаны, рубахи, сарафаны, платья… Ан нет. От разнообразия и от ярких, насыщенных цветов одежд рябило в глазах. Виктор как-то слышал, что в Средние века все было мрачное и серое. Мол, краска для тканей была не в пример дорогой, а стало быть, дорого стоили и сами ткани, из которых шились одежды. Возможно, и так. Может, мужчина мог себе позволить за всю жизнь лишь один кафтан. Впрочем, так оно, по сути, и было. Вот только эта дорогая краска настолько крепко въедалась в ткань, что хранила яркий цвет не до первой стирки, а на протяжении нескольких лет.

Припомнив еще кое-какие реалии земной жизни, Волков удивленно покачал головой. В их просвещенный двадцать первый век на рынке можно запросто провалиться в лужу чуть не по колено, и это при асфальтовом покрытии! Покупатели продираются сквозь ряды в поисках вожделенного товара, проявляя чудеса акробатической ловкости. Даже провалившись таки в лужу и хватанув обувью воду, с маниакальным упорством продолжают поход за покупками. И плевать торговцам, что люди едва не утопают, плевать и администрации рынка, которая не удосужилась нормально спланировать участок и устроить дренажную систему. Мучаются люди?

А пусть мучаются, деваться-то им некуда, все одно сюда придут, так чего тогда лоб морщить и мошной трясти, устраивая все по-человечески… Здесь отношение к покупателю было совсем иным. Проходы между лавками, выстланные досками, были довольно широкими, так что особой толчеи не наблюдалось, хотя народу собралось немало. Очевидно также, что владельцы лавок отвечали за чистоту и порядок вокруг своих заведений. Имелась на рынке и просторная площадка, на которой выстроились ряды телег. Вести торг с повозок строго-настрого запрещалось: хочешь торговать – пожалуйста, бери в наем лавку и торгуй на милость. Кстати, не так дорого. Крестьянину, понятное дело, лавка ни к чему, для них были предусмотрены крытые ряды.

Если это удивило Виктора, то не произвело впечатления на остатки памяти Добролюба: уж что-что, а рыночные порядки ему были знакомы хорошо, вон и площадка для скоморохов, нечего им делать среди торговых рядов, если только в качестве зазывал пройтись. Не сказать что так уж все в Брячиславии были приучены к порядку, этот обычай как раз был в процессе становления под давлением непоколебимой воли великого князя Миролюба и под его пристальным взором. Звонград в вопросе чистых и пригожих улиц, и рынка в частности, опережал даже столицу. В стране всячески поощрялось частное предпринимательство: малый и средний бизнес, как говорили в его мире. Те, кто налаживал какое-либо производство, получали послабления в податях. А если в деле усматривался государственный интерес, то вполне можно было рассчитывать на казенные деньги в случае нехватки средств, чтобы самостоятельно поднять производство.

Одним словом, Миролюб оказался реформатором. Он решил развить экономику, а вот воевать ни с кем не стремился, в отличие от своего батюшки. Тот все соки из страны готов был выжать, жилы надорвать, но на любой косой взгляд ответить силой оружия. Правда, сколько Миролюб ни стремился к спокойной жизни, ничего-то у него не выходило. Если с другими договориться худо-бедно еще получалось, то вот Гульдия никак не хотела жить в мире. Причина этого всем давно известна. Так уж сложилось, что большой торговый тракт проходил, не задевая их земли. Через Гульдию шел северный путь, а ее правителям хотелось оседлать обе торговые артерии. Вот и бились они то с Фрязией, которую уже изрядно потеснили, но до тракта так и не добрались, то с Брячиславией – этот соперник все же считался менее серьезным, однако добиться успеха пока не получалось. Хотя поначалу гульды теснили несговорчивых брячиславичей, но потом все возвращалось на круги своя. А уж после того как поставили Обережную, гульдам и вовсе стало кисло. Но вот не сдавались они, хоть тресни.

Подворье боярина Смолина, полкового воеводы (это, считай, один в один полномочия генерал-губернатора, даже поболее того), располагалось в Вороньей слободке. Отчего такое неблагозвучное название? Так откуда взяться благозвучности, если над этим местом после последнего падения града, пятьдесят лет назад, когда только кремль и удержался, долго кружило воронье? Бои там были самые жуткие, потому как боярские подворья располагались именно в той стороне. Находились умники, которые указывали, мол, воеводе можно бы подворье свое и в кремле устроить, благо места там в избытке и одна воеводская усадебка никак не потеснит воинский люд. Но Световид только ухмылялся в ответ и говорил, что ему вполне пригоже жить на том самом месте, где веками проживали представители их рода.

Едва рассмотрев приближающихся всадников, привратник поспешил распахнуть ворота. Негоже бояричу протискиваться в калитку, хоть сам он и утверждает обратное. Не имело значения, как именно выезжали или въезжали бояре и их домочадцы, верхом или в карете, путь их пролегал только через открытые нараспашку ворота, и никак иначе.

– Здрав будь, боярич, – задорно поприветствовал старичок, отвешивая земной поклон.

Градимир не стал чиниться и в ответ склонил голову. Вот вроде и едва кивнул, но видно, что проделал это с уважением к годам старика, который верно несет службу уже не один десяток лет.

– Поздорову ли путь прошел? – дрогнувшим голосом спросил привратник. Цепкий взгляд выхватил и непорядок в одежде, и несколько потрепанный вид, и повязку на кисти. А отсутствие двоих боевых холопов только подтверждает догадку: что-то прошло не так. – Как ты, боярич?

– Нормально все, Стоян. Вот только Белугу и Судимира тати побили.

– Царствие им небесное. Стало быть, и Буяна того… – Это, наверное, про коня, потому как Виктор точно знал: боярича сопровождали всего двое холопов.

– Под выстрел попал, бедолага, мучился, пока не добили. Отец-то дома?

– Дома, боярич. Я послал Вертка, поди уж знает.

Градимир проехал прямиком к дому и спешился возле крыльца, где у него перенял скакуна конюх. Там же подобрали узду и у Виктора, который вел второго коня в поводу. Да и мудрено это – ехать верхом, если на коня навьючена тяжелая сума да оружие. Не пристало нагружать всякой всячиной боевого коня, ну да иного под рукой не оказалось, чай, уж не рассыплется.

– Эвон, стало быть, как все обернулось, – молвил полковой воевода, пропуская сына в горницу. – Плохо, что из татей никого в живых не осталось, перемудрил тут твой скоморох.

– Какой же он мой, отец? Чай, не холоп. Он бы и не полез в это дело вовсе, да Секач, дурила, решил его жизни лишить. Об одном позабыл: загнанная в угол крыса от страха может на кота напасть и клочья пустить. Но твоя правда, Секача взять живым не помешало бы, грехов на нем много.

– Стало быть, так, сын. Чтобы с этого дня менее чем с четырьмя холопами носа за стены града не высовывал. Бойцов сам подберу и все разъясню. И попомни мои слова: если доложат, что не возжелал их слушать и все по-своему вертишь, применю всю отцовскую волю и челом великому князю ударю, так что будешь дома сидеть, как на цепи. Вот ведь каким мирным вьюношей был! Настолько тихим, что я, грешным делом, дурья моя башка, забеспокоился, сам же на службу определил, а теперь сладу нет, уж мутит от настоек успокоительных.

– Отец, ты ведь и сам полки водил, да и не получится на воеводстве сидеть, не имея опыта бранного. А ну как ворог подступит?

– У тебя того опыта уж втрое против моего, а тебе все мало. Вот видит бог, отпишу Миролюбу, ударю челом, чтобы от службы ратной тебя освободил.

– Не надо, отец.

– Да как не надо-то?! А кто дело примет?

– Есть и младшие – Горислав…

– Ты еще Храбра помяни, – вспылил отец.

Нет, все же на фоне остальных детей старшенький был куда покладистее и умнее. Те двое без бранного поля и огня в крови себя вообще не мыслили, какое там наследство – все прахом пойдет, все в огне сгорит. Кстати, самым отчаянным как раз был младший, который отличался боевитостью с самого раннего детства. Потому и Храбр – храбрый, значит.

В этот момент дверь в горницу распахнулась. В помещение влетела, словно вихрь, девчушка лет четырнадцати, точнее, молодая дева – в таком возрасте уж и замуж выдавали, коли жених достойный находился. Сам Градимир женился, когда ему было шестнадцать, а в жены взял как раз четырнадцатилетнюю, тогда еще угловатую девочку-подростка, которая вскорости расцвела пышным цветом. Вот и эта расцветет, едва найдет парня по душе. Неволить дочку Градимир не хотел. Вот-вот, самому едва за тридцать, а уже вполне взрослая дочь. Возжелай он этого – и уже через год будет с внуками тетешкаться.

Не обращая внимания на насупленные брови и недовольное хеканье деда, а также проигнорировав его шлепок пониже спины, девчушка пробежала прямиком к отцу и уткнулась ему в грудь.

– Вот егоза! Отчего не сидится на женской половине? Чего прибежала в горницу, аль не видишь, что мы с тятькой говорим?

– Папка, ты как, цел?

– Я с кем говорю?! – все сильнее распалялся дед. С одной стороны, какой он дед? Ему еще и пятидесяти нет. А с другой – скоро вполне может и прадедом стать.

Такова доля старшего в семье: как только возраст подошел, женись и озаботься наследником. Младшим в этом плане повезло больше, они умудрялись достаточно долго отбрыкиваться и ни в какую не хотели семьями обзаводиться. Мол, Градимир – старший, у него пусть и болит голова, а они еще успеют.

– Смеяна!

– Что, деда? – наконец откликнулась девчушка, убедившись, что с отцом вроде все в порядке.

– Ты как тут оказалась?

– Так ведь папка приехал, – потупила было глазки непоседа. Но тут ее взгляд зацепился за перевязанную уже грязной тряпицей руку отца, и дед снова был забыт. – Папка, что с рукой-то?!

– Нормально все с рукой. – Градимир завел Смеяну себе за спину, спасая таким образом от нападок деда. Тот уже примеривался к мягким местам внучки, да не ладошкой, а снятым пояском, который хоть и узок, но кожаный с серебряными нашлепками: даже в шутку быть охоженной таким не особо приятно. Дед, похоже, распалился не на шутку, хоть старшая внучка и была в любимицах. – Просто палец выпростал. Иди скажи мамке, что жив-здоров, скоро буду, пусть прикажет баньку истопить. Отец, не тронь девку.

– Ой!

Не успела-таки егоза проскользнуть мимо деда. Зря, что ли, тот полки в свое время водил? Да и не стар еще, так что с реакцией и с глазомером полный порядок.

– Пошто так-то, батюшка? Чай, невеста уже, – обратился Градимир к отцу, едва за Смеяной закрылась дверь.

– Ишь ты – «ба-а-атюшка». Ничего, вот попадется свекровь с крутым норовом, так она и скалкой пройдется, да не по мягким местам, а по стану. Ишь чего удумала! Дед к ней и так, и эдак, а она…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.